

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЕГЕРЬ

ИЛИ ВОЛЧЬИ ЗАКОНЫ ТАЙГИ

Владимир Григорьевич Колычев
Волчи законы тайги
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183288

Владимир Колычев. Волчи законы тайги: Эсемо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36823-5

Аннотация

В зимнем небе над сибирской тайгой взрывается вертолет. Неподалеку от места падения винтокрылой машины егерь Данила Качалов, бывший спецназовец, обнаруживает миловидную девушку по имени Лена. Спасаясь от волков, она взобралась на дерево. Оказав пострадавшей первую помощь, Данила отправляет ее домой в Москву... По весне Качалов находит в тайге принадлежащее Лене бриллиантовое кольцо, которое она потеряла, убегая от лесных хищников. Чтобы вернуть украшение владелице, Данила едет в Москву, но в поезде его обкрадывает юная воровка. Бросившись за ней в погоню, Качалов обнаруживает, что он не единственный, кто участвует в охоте на кольцо: одних привлекает его стоимость, и они готовы валить всех

направо и налево, другие действуют более тонко – им нужна не сама драгоценность, а тайна, которая в ней скрыта...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	67
Глава 6	78
Глава 7	91
Глава 8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Владимир Колычев

Волчьи законы тайги

Глава 1

Зверь. Вожак. Его лютый оскал притягивал взгляд. Обычные стайные волки тоже могут угрожающе показывать зубы, но чувство неполной уверенности в себе заставляло их ширить губы и приспускать уши. А этот обнажал клыки, рычал, ничуть не сомневаясь в своей силе. И могучее поджарое тело напряжено как сжатая пружина, еще чуть-чуть, и оно распрямится в убийственном прыжке.

И взгляд у этого волка магический, угнетающе-завораживающий. Страшные желтые огоньки из глубин дикой природы, хищная мудрость многих и многих тысячелетий. Нужно самому быть волком, чтобы выдержать этот взгляд, не дрогнуть, не выдать предательского желания броситься наутек. Или таким же матерым охотником...

Данила-егерь неплохо разбирался в природе волков и точно знал, что эти звери не признают слабых. Они не уважают чужую силу, но боятся ее, считаются с ней. Разговаривать с ними можно, но только в штыки, и чтобы палец лежал на спусковом крючке.

Он опасался, но не боялся этого зверя. И даже залюбо-

вался им. Великолепный экземпляр – крупный, килограммов шестьдесят живого веса; массивный широкий лоб, хищно заостренная морда, могучая шея, развитая грудь, поджарое тело, сильные упругие ноги. мех пышный, серый, с ржаво-охристым оттенком. А этот зло-чарующий взгляд, а эта бурлящая агрессия в обманчивой неподвижности тела...

Вожак не улавливал страх стоящего перед ним человека, и это его сдерживало. А еще волка пугал карабин, с которым Данила управлялся так же легко, как если бы это была часть его тела, третья рука.

Но волк бы очень зол и страшно голоден. Он понимал, что шансов у него мало, но ему очень хотелось есть. Морозы, глубокие снега, пустые леса – охоты никакой. Вот и приходится бросаться на людей... К тому же вожак не один, с ним вся стая, такая же голодная и злая. Это Данила волк-одиночка, и не всем ясно, что шутки с ним плохи...

Еще вчера поступил сигнал, что где-то в этих местах разбился вертолет. В тот же день Данила вышел на маршрут, но только сегодня встретил живого человека. Он сидел на ветвях большой раскидистой сосны, руками обхватив ствол. Вернее, сидела, поскольку это была девушка – и, судя по всему, очень аппетитная на вид. Не зря же вокруг нее собралась целая стая волков. Звери терпеливо ждали, когда жертва ослабнет и сама свалится с дерева им на поживу.

Сначала Данила учуял запах волков. Само по себе это могло значить, что если стая охотится, то на кого-то другого. Ес-

ли бы волки выбрали его жертвой, они бы подкрадывались к нему с той стороны, куда дул ветер. А их вниманием владело что-то иное. Он успокоил свою Весту, заставил ее идти позади себя. Они крались по заснеженной тайге, пока не вышли на поляну, посреди которой и возвышалась облюбованная девушкой сосна.

Бедняжка смотрела на егеря и с надеждой, и с отчаянием. Она не очень верила, что Данила в одиночку сможет справиться с волчьей стаей. Сначала они сожрут его, а потом дождутся, когда она спелым яблочком упадет к их ногам. И еще она очень замерзла. Лицо белое, ни кровинки в нем. Вроде бы шуба на ней песцовая, и шапочка тоже меховая. Но сапожки – изящные ботфорты на золоченой шпильке. Лучшей обуви для зимней тайги не сыскать...

– Уходи, серый! – тихо, с чувством превосходства сказал Данила. – Давай, давай!

Волк зарычал громче прежнего, но губы его вдруг растянулись, и уши немного поникли. Похоже, он признал чужую силу.

Но его подопечные уже вступили в игру против Данилы. Они медленно, чуть ли не ползком, обходили его по кругу. И если они обложат со всех сторон, то и карабин может не спасти.

– Уводи стаю, серый! Не буди лиха!

Данила смотрел вожаку в глаза, но периферийным зрением отслеживал передвижения его сородичей. Вот молодой

перерярок с черной меховой полосой по хребту первым пересек опасную черту, за которую Данила никак не мог его выпустить.

Он продолжал смотреть на вожака, сдерживая его взглядом, но ствол карабина быстро переместился влево, в сторону резвого смельчака. Звонкий раскатистый выстрел встряхнул тишину, сбивая снег с еловых и сосновых веток. Перерярок с визгом закрутился вокруг своей оси: языком пытался дотянуться до раны, чтобылизать боль.

Вожак встал на дыбы, будто собирался броситься на охотника, но вектор напряжения его двигательных мышц определенно указывал в обратную сторону: волк знал, с кем имеет дело. А тем временем другой его соплеменник продолжил движение и перекинул свое тело через опасную черту справа от Данилы. И снова раздался выстрел. На этот раз пуля вошла зверю в ухо, заставив его биться в предсмертной агонии.

Матерый волк дрогнул; поджав хвост, подался назад. Отступили и его подопечные. Они пятились задом, пока их полукруг не выпрямился в ровную цепь. А затем, развернувшись, бросились в лес. Вожак показал свой хвост последним.

Веста с лаем бросилась к затихшему перерярку, а Данила направился к вечнозеленому прибежищу продрогшей девушки.

– Ну, давайте знакомиться? – встав под деревом, широко улыбнулся он.

Ответ она отстучала зубами. Он знал азбуку Морзе, но это

был какой-то другой язык. И все равно Данила его понял. Девушка радовалась спасению, и совсем не прочь была с ним познакомиться, но сначала он должен был снять ее с дерева, потому как без посторонней помощи она могла приземлиться неправильно, вниз головой.

Пришлось Даниле скинуть куртку и полезть на сосну, чтобы снять с нее меховую, пахнущую французским парфюмом «шишку». Девушка судорожно обвила руками его шею, повисла на ней. Тело ее занемело, ноги, казалось, отнялись – ему пришлось поднатужиться, чтобы сдернуть беднягу с ветки. А когда он стал спускаться вниз, она вдруг разжала руки.

Данила попытался поймать ее за талию, но из-за шубы она заскользила, и хорошо, что Данила смог удержать девушку за подмышки... Впрочем, земля, как минимум, на метр была покрыта снегом, и это могло бы обеспечить ей мягкую посадку. Как бы то ни было, он удержался от искушения ослабить хватку и отправить девушку в свободный полет. Ободрал руки, щеку, но все же спустился с дерева вместе с ней.

Он уложил ее прямо на снег, обмотал ноги своей курткой. Достал из рюкзака солдатскую плащ-палатку, постелил на снег, уложил на нее девушку.

– Сейчас, сейчас!

С дровами было похуже: валежник засыпан снегом, а свежие ветви на растопку годились плохо. Но его выручила умная лайка. Он объяснил ей, что хочет развести костер, и Веста бросилась в лес. Она искала сухие, недавно сброшенные

деревьями ветки, а он полез на дерево и срубил с него сначала один толстый сук, затем другой.

Это был не самый лучший материал для костра. Куда лучше подошла бы береза или осина, но в тайге ничего такого не было. Зато нашлась сухая сосновая ветка, которую Веста притащила в зубах. В рюкзаке у Данилы были охотничьи спички, сухой спирт. Хворост взялся огоньком весело, с треском, а свежие ветки слезоточиво задымили, брызгливо зашипели. Но лучше что-то, чем ничего.

Был у него и обычный спирт. Пшеничный сертификат, девяносто градусов. И пластиковый стаканчик – все, как у цивилизованных людей. Он налил девушке граммов пятьдесят.

– Это внутрь. Только осторожно.

Она мотнула головой. Дескать, чего бояться. Трясущейся рукой взяла стаканчик, но удержать его не смогла. Данила поймал его на лету, сам поднес ей к губам.

Девушка выпила. Глаза потрясенно расширились, рот беспомощно раскрылся, из груди вырвался хрип недоумения.

– Ничего себе!

– Ну, вот и голос прорезался! – засмеялся он.

– Ноги... Мои ноги...

– Да уж, догадываюсь, – кивнул.

Ноги у нее замерзли, опухли – ему пришлось прибегнуть к помощи охотничьего ножа, чтобы сделать на сапогах надрезы ниже линии «молнии».

– Что вы делаете? – запоздало и с признаками обреченно-

сти в голосе спросила девушка.

Он не стал развивать предложенную ею тему.

– Кстати, меня Данила зовут, – отбросив за спину первый сапог, сказал он.

– Я спрашиваю, что вы делаете?

И второй сапог отлетел в сторону. Данила обмотал курткой одну ногу, а вторую взял в залитую спиртом ладонь.

– А вас как зовут, если не секрет? – растирая ступню, бодро спросил он.

– А если секрет?

– Тогда я тоже буду играть в секреты, – пожал он плечами.

Он молча растер одну ступню, достал из рюкзака пару шерстяных носков грубой вязки, один надел на разогретую ногу. То же самое, ничего не говоря, проделал и со второй ступней.

– Это и все? – спросила девушка.

Данила приподнял низкие боковины ее меховой шапочки. С ушами вроде бы все в порядке. Щеки очень бледные, их тоже нужно бы растереть, но без спирта. Он взялся за дело, но девушке это не понравилось, и она мотнула головой. Уговаривать он ее не стал.

Он снова полез в свой рюкзак, полный бесценных для выживания вещей. Можно было бы вскипятить чай на костре, но с примусом гораздо удобней и быстрее. А воды вокруг полно – бери снег, заталкивай его в кружку и ставь на огонь.

– Так и будете молчать? – спросила девушка.

Данила молча кивнул.

– Лена меня зовут.

– Ну и что здесь секретного? Или повредничать захотелось?

– Может, и захотелось.

– Жаль. С таким настроением, как у вас, в душу к вам не залезешь.

– В душу? Это в каком таком смысле?

– В прямом. Душу вам нужно растереть. То есть грудь...

– А грудь у меня не замерзла, – возмущенно посмотрела на него Лена.

– Все равно, нужно. Чтобы воспаления легких не было.

Ноги в тепле, грудь в жиру, внутри горячий чай...

– У меня нет жира, – смягчившись, улыбнулась она. – Я спортом занимаюсь.

– Таежное троеборье. Полет на вертолете, бег от волков, лазанье по деревьям, так? Или я что-то упустил?

Данила с интересом смотрел на девушку. Что ни говори, а она была хороша собой. Мелкие вьющиеся светло-русые волосы, волнующие черты лица, губы, с которых бы медку испить. И глаза – окно в глубокое синее небо под ярким солнцем. Туманная серая облачность над головой, мороз, но, глядя в эти глаза, можно было представить себя под высоким и теплым небом далекого Сочи. Даниле даже показалось, будто вместо ветра в ушах он слышит шум прибойной волны.

Она, казалось, почувствовала к себе интерес, сама окати-

ла парня теплым, оценивающим взглядом. Даже какая-то искорка вспыхнула в ее глазах, но тут же погасла – будто морозный ветер ее потушил. И, правда, не время сейчас для романтических чувств. Стужа, метель поднимается, а где-то недалеко злятся волки. Веста принесла еще одну ветку, но больше в лес не пошла: учуяла серую породу. Возвращается стая, хотя бы для того, чтобы сожрать своих павших соросидчей. Голод иногда оказывается сильнее инстинктов, и тогда благородный волк может превратиться в подлого шакала...

– Ты про вертолет откуда знаешь? – на «ты» перешла Лена.

– Ну, как же, по радио передавали. Я егеря, меня начальство сюда направило, вас искать... Остальные где?

– Какие остальные? Я одна осталась... Он меня, гад, высадил! – Ее слова прозвучали всплеском гневных эмоций.

– Кто – он?

– Да не важно... Он, правда, за мной сразу вернулся. Ну, почти сразу. Сижу, как дура, на снегу, слезы в три ручья, слышу, лопасти стучат. Обратно летят, за мной... А потом так шарахнуло, что не плачь девчонка. Хвост в одну сторону, кабина в другую, пропеллер вообще куда-то вверх...

– Далеко отсюда?

– Да не очень... Ну, сколько я шла, часа три-четыре, а потом эти твари. Даже не помню, как на дереве оказалась. Всю ночь просидела... У тебя чай закипает!

Данила снял кружку с огня, бросил в нее чайный пакетик,

пару кусочков сахара.

Лена не стала дожидаться, когда напиток остынет. Схватила кружку двумя руками, обожгла себе ладони, но лишь крепче сжала ее. И с такой жадностью набросилась на кипяток, что Даниле вдруг стало завидно.

– Хорошо-то как! – оторвавшись от кружки, в блаженстве протянула она.

Глазки заблестели, щечки порозовели. Данила снова залюбовался девушкой. Но сам же себя и одернул.

– Хорошо или нет, а нам уходить надо. Ветер поднимается, вьюга наметет.

– А далеко идти?

– Лучше не спрашивай...

Начальство давно уже обещало унитарный снегоход, но до сих пор он ходил по тайге на лыжах. Данилу это, в общем-то, устраивало, но было бы лучше, если бы под ним был сейчас мощный мотор, который мог бы, как тот Боливар, вынести двоих – и его, и Лену. Веста бегаёт прилично и на своих четырех...

Но не было у него машины, а девушка не могла передвигаться самостоятельно: и с ногами у нее беда, и лыж нет. Впрочем, Данила не терялся – срубил две длинные ветки, обстрогал, натер жиром как полозья, уложил на них поперек сосновые лапы, сверху накрыл плащ-палаткой, привязал к этим самодельным саням веревку.

Куртка у него легкая и очень теплая, но ею пришлось по-

жертвовать, чтобы обогреть девичьи ноги. Остался в одном пуховом свитере. А лишняя нагрузка на сильные мужские плечи послужила хорошим подспорьем для разогрева мышц. Прошел в упряжке несколько километров, и даже захотелось избавиться от свитера. И поднявшаяся вьюга вроде бы ничем. Но к финишу он пришел едва живой от усталости.

Глава 2

Бревенчатый домик на лесной поляне обещал тепло и уют, что придало ему сил. А когда он привел девушку в дом и уложил ее на кровать, едва удержался от соблазна лечь рядом – и вождение здесь ни при чем, просто валился с ног.

– Здесь ты и живешь? – спросила Лена, с интересом, но без всякого восторга осматривая его хижину.

Ее радовало, что здесь относительно тепло и нет изнуряющего ветра. Но внутренне убранство, конечно же, не впечатляло. Темные бревенчатые стены, кирпичная печь в половину комнаты, дощатый стол, скамья, железная кровать с панцирной сеткой, допотопная радиостанция под образами. На фоне этой убогости медвежья шкура на полу могла показаться первобытной дикостью, но никак не элементом экзотического декора, к которому, возможно, привыкла девушка. Телевизор был, dvd-плеер, музыкальный центр, гитара... Но разве ж этим кого-то удивишь...

– Я привык, – пожал плечами Данила.

Да, стол и скамья сколочены грубо, из нетесаных досок, зато как основательно – хоть кувалдой по ним колоти, не размолотишь. И сам дом стоял посреди леса капитально, как надежный форпост на пути к человеческой цивилизации. Печное тепло, суровый и здоровый уют.

– Мне нравится... – совсем не убедительно сказала она. –

Только что-то не очень тепло.

– Лучше не очень тепло, чем просто холодно, – пытаюсь взбодриться, улыбнулся Данила. – Печь со вчерашнего не топилась. Сейчас исправим...

Он подошел к печной топке, открыл чугунную дверцу с дореволюционным клеймом-штампом демидовского завода.

– Главная заповедь одинокого егеря, – чиркнув спичкой, сказал он. – Уходя, оставляй в печи растопку. А потом уже гаси свет...

Холодно в доме, и каждая лишняя минута, бездарно потраченная в борьбе за тепло домашнего очага – чистой воды преступление. Но у него все готово – поднес к щепе зажженную спичку, и завихрился в печи огонек, облизнул сухие поленья. А в сених стоял большой дощатый короб с углем, скоро и он в топку пойдет. Тогда такой жар будет, что в одних трусах можно будет по дому ходить. Если, конечно, Лене это понравится. Что вряд ли.

– А ты одинокий?

– Да, как белый парус у Лермонтова.

– И Лермонтова знаешь.

– Да, забегал тут как-то, на медведя поохотиться звал...

– На этого, который у тебя под ногами?

Веселый изгиб ее губ показывал, что шутка принята.

– И на этого, и на другого.

– А стрелял ты?

– Да. В основном сигареты.

– У Лермонтова?

– А это ты спроси...

– У кого?

– У Пушкина!

– С тобой не соскучишься.

– А это вместо морфия.

– Ты что, по этому делу? – нахмурилась девушка.

– Да нет, морфий тебе нужен. Для обезболивания...

Он подсел к Лене, раскутал одну ногу, осмотрел, ощупал.

Опухлость сошла, потемнения нет, и температура вроде бы нормальная.

– Зачем обезболивание? – встревоженно спросила она.

– А затем, что сапоги легкие носишь. Ноги себе отморозила...

– Сапоги не легкие, – беспокойно мотнула она головой. – мех там был...

– Какой, рыбий?.. Что, если ногу придется ампутировать?.. Ножовка у меня есть, смех вместо морфия...

– Ну и шутки у тебя! – нервно улыбнулась она.

– Шутки?! Шутки у того придурка, который тебя в лесу оставил...

Данила вдруг осознал, что начал заводиться.

– А если бы не оставил? Тогда бы я вместе с ним взорвалась...

Трудно было не согласиться с таким аргументом. Гнев схлынул, в голове прояснилось. Но на душе остался садня-

щий осадок... Давно его не беспокоило это болезненное, граничащее с безумством чувство справедливости. И как хорошо, что Лена смогла его успокоить.

– Ну да, лучше ноги отморозить, чем на воздух взлететь, – кивнул он.

– А что, сильно отморозила?

– Думаю, что ампутация не грозит. Но врача на всякий случай вызвать надо. Здесь недалеко, завтра к обеду будет...

До поселка и больницы всего ничего – шестьдесят верст. Сущий пустык по таежным меркам. Главное, чтобы радиостанция не подвела.

– Значит, взорвался вертолет, – уточнил он, щелкнув тумблером.

– Взорвался.

– Сам по себе? Или как?

– А разве вертолеты сами по себе взрываются?

– Что-то не припомню, – покачал он головой.

– Значит, или как?.. Герман – большой человек, председатель совета директоров крупной нефтедобывающей компании. Мы как раз на промысел с ним летели...

– Ты к нему какое отношение имеешь?

– Это что, допрос?

– Не знаю. Но мне ответ нужен. Мне сейчас докладывать надо.

Лампочки горели, стрелка питания поднялась до рабочей отметки, частота настроена. Осталось только выйти на связь.

– Куда?

– В центр, Юстасу.

– Не смешно.

– Не знаю, Косте нравится, – пожал плечами Данила.

– Какому Косте?

– Ну, Косте, диспетчеру нашему. Позывной у него – Юстас, ему нравится...

– А ты тогда кто, Плейшнер?

– Нет, я «парабеллум» Бормана.

– Кстати, я видела, как ты стреляешь. Ты же совсем не целился...

– Это интуитивная стрельба.

– Тайга научила?

– Какая ты догадливая...

– А почему ты всех волков не перестрелял? Ты же мог...

– Зачем?

– Ну, как это зачем? Они же голодные, на людей бросаются...

– Замкнутый круг, – скупое улыбнулся Данила. – Голодные, поэтому на людей. А на людей, потому что голодные... Природа у них такая, без пожрать не выживешь. И у людей так же. Люди тоже поесть любят. Свининка, говядинка, баранинка, животных режут. Не убивать же людей за это...

– Так разве волки животных не режут? Я слышала, их за это истребляют.

– Истребляют, – с мрачным видом кивнул он. – И у нас

такое было. Столько настреляли, что перебор вышел. Оленей в тайге развелось – уйма. Вроде бы и хорошо, но они все молодые деревья ободрали на прокорм. И больных много развелось. В общем,дохнуть стали, от голода, от болезней... Нет, волков беречь надо. У них свое место в природе. Они знают, на кого охотиться, на больных и слабых. А знаешь, как они определяют, кто есть кто? Если олень побежал в гору, значит, он сильный, если вниз – значит, чувствует в себе слабинку, за таким и гонятся... С лосями вообще сложнее. Если крупный лось встал как вкопанный, если выставил рога, волки такого седьмой дорогой обойдут. Ну, если выбор будет, чтобы кого-то послабей задрать. А если нет, то и на такого лося напасть могут. Только если сохатый действительно в силе, то плохо им будет. Он же и на рога поднять может, и затоптать...

– А тебе кого больше жаль будет, лося или волка?

– И лося... И волка... Волк – животное уважаемое.

– Да, только его никто не любит!

– Но и равнодушных нет. Потому что есть в нем какая-то мистика...

– Не могу не согласиться, – хмыкнула Лена. – Я эту мистику на всю жизнь запомню. Особенно, когда они выть вчера стали. Думала, разрыв сердца будет...

– Да, натерпелась ты страху... Юстас! Юстас!..

Данила связался с диспетчером, сообщил ему о происшествии с вертолетом, о том, что спас девушку, выдал прибли-

зительные координаты, запросил врача.

– А с врачом проблемы, – сказал он, снимая наушники. – Вьюга у них сильная, все дороги замело. Да и у нас тут не сахар за окнами. За ночь по крышу наметет...

– А как же мои ноги?

– Я, конечно, не врач, но, поверь, кое-что повидал на этом веку. Пока все нормально, но если вдруг что, я тебя сам в поселок отвезу. На санки посажу и повезу...

– Мне страшно.

Лена капризно выпятила нижнюю губу. А на глазах заблестели слезки.

– Я же сказал, не переживай. Нормально все будет. Я бальзам сварю, всю опухлость как рукой снимет...

– Бальзам?

– Да, из трав, кореньев. Опять же барсучий жир... Поверь, никаких сушеных мышей и ящериц... Чистый с экологической точки зрения продукт...

– А у тебя правда травами пахнет, – повела носом Лена.

– Травы лечат. У нас без трав нельзя. Рану залечить, или простуда...

– Только не говори, что ты простудой болеешь, – сквозь слезы улыбнулась девушка. – Ты же как бык здоровый...

– Разве я похож на быка? – спросил он, удивленно приоткрыв рот.

В ранней юности Данила не мог похвастать ни физической силой, ни атлетическим телосложением. Но парень стремил-

ся быть сильным, занимался собой. Со временем обрел отличную физическую форму, но в росте выше метра семидесяти шести так и не поднялся. И до косой сажени в плечах, как самодельному ретранслятору до Эйфелевой башни.

– Нет, но силы в тебе, как у тягловой лошади. Я думала, ты сломаешься, нет – дотянул...

– Осталось только обогреть, напоить и спать уложить...

– А бальзам?

– Само собой...

Он не смотрел на Лену, он любовался ею. Как хороша...

– Ты что, влюбился в меня? – смущенно засмеялась она.

– Я?! Нет! – ошарашенно вздрогнул он.

– А почему так смотришь? Как будто влюбился...

– Смотрю?!.. Ну да. Это я в чувство прихожу, – нашелся он.

– В чувство? А я думала, ты забылся...

– Да нет. Просто устал очень. А на тебя смотрю, и силы вдруг появляются. Ты сама как бальзам...

– Да, но я от простуды не лечу... Что-то ты там насчет жира говорил?

– А-а, грудь растереть... – в смятении поспешно кивнул он.

– А рука не дрогнет?

Лена жеманно повела бровью, расстегнулась и развела полы своей шубы. Взгляду открылось бежевое, из нежнейшей шерсти платье, облегающее узкий плоский животик и оголя-

ющее красивые загорелые плечи, грудь и верхние полусферы добротного бюста. Он мог бы натереть ее барсучьим жиром прямо сейчас, даже не снимая с нее платья. Но если в открытом лесу этот его порыв казался естественным, то сейчас он вдруг застеснялся и даже покраснел.

– У меня сухое молоко есть, – сглотнув иссушающий ком в горле, сказал он. – И мед. Молоко с медом очень хорошо от простуды помогает...

– Молоко с медом? Это еще и вкусно... Меня мама в детстве молоком с медом поила...

Лена, казалось, осознала непристойность своего поведения, стыдливо запахла шубу. И щечки пошли пунцовыми пятнами.

– Молоко у меня сухое, не такое, как у твоей мамы. Зато мед у меня дикий, о-очень полезный...

– Где ты его взял? У медведя украл? – чтобы заглушить возникшую неловкость, пошутила она.

– У Винни-Пуха.

– Он тоже к тебе забегал? – непринужденно засмеялась девушка.

– Да, на кабанов поохотиться, – поддержал ее Данила.

– Ну и как все прошло, удачно?

– Даже не знаю, жив Пятачок или нет... Мне кажется, ты уже немного согрелась.

– Да есть чуть-чуть.

– Дом у меня маленький, быстро нагревается... Ты бы

сняла шубу, ею лучше укрыться, чем на себе... Перина у меня пуховая, снизу тепло будет...

Данила принес из сеней уголь, засыпал в печь. Вскипятил воду, напоил девушку горячим чаем с медом. Вскрыл две банки гречневой каши с тушенкой, выложил ее на сковороду, смешал с горячей водой, поставил в печь, добавил немного сливочного масла.

Лена очень хотела есть, но ее носик заметно наморщился, когда он подал свою стряпню.

– Не бойся, не отравишься...

Взять и сунуть в рот первую ложку ее заставил голод, а со второй она и сама вошла во вкус. И так увлеклась, что даже не заметила, как опустела ее тарелка.

– Мне кажется, я ничего вкусней в жизни еще не ела, – благодарно улыбнулась она. – Что-то жарко стало...

– Как ты себя чувствуешь, встать сможешь?

Он помог ей подняться, пересел на скамью. Сам быстро сменил постель, уложил в кровать, накрыв теплым одеялом.

– Отвернись, пожалуйста!.. Все, можешь повернуться.

Она сняла с себя платье, но не знала, куда положить.

– Давай сюда.

Он взял ее невесомой легкости платье, отнес к вешалке за печью. Но прежде чем поместить его на плечики, неожиданно для себя коснулся его носом. Дурманящий запах женской красоты. Стыдливое и волнуемое удовольствие. Фетишизмом Данила не страдал, поэтому можно было сделать вывод

– или у него появились вдруг извращенные наклонности, или он влюбился...

Он повесил платье на плечики. Нарочно долго – чтобы избавиться от следов смущения во взгляде – перебрал пучки трав и корни, сушившиеся на печке, взял все необходимое для целебного бальзама.

– Ты почему так долго? – подозрительно посмотрела на него девушка.

Даниле удалось скрыть смущение, которое вызвал этот вопрос. Неужели она догадалась, что делал он с ее платьем?

– Вот, колдовать сейчас буду, – сказал он, выкладывая на стол свои запасы.

– Ты шаман?

– А что, похоже?

– Да вроде нет. Хотя что-то есть... Я себя здесь чувствую, как в избушке на курьих ножках.

– Еще Бабой Ягой меня назови.

– Да нет, ты, скорее, добрый молодец...

– Который убил Бабу Ягу, да? Закопал... Или съел?

– Скажешь тоже... Нравится мне здесь. Тепло у тебя. И спокойно... У тебя и телевизор есть?

– А у тебя?

– У меня тоже, – рассмеялась она. – У меня большой, плазменный... И квартира тоже большая... А Германа больше нет...

Смех захлебнулся и утонул в нахлынувшей тоске.

– Был, и вдруг его больше нет... – И снова у нее на глазах заблестели слезы.

– Он кто тебе, этот Герман, муж? – колыхнувшимся голосом спросил Данила.

– Нет, он мой босс...

– А какое отношение он имеет к твоей квартире?

– При чем здесь квартира? – отрешенно спросила она.

– Ну, ты сказала сначала про телевизор и квартиру, а потом вспомнила его... Вы вместе смотрели телевизор в его квартире?

– Телевизор? В квартире?... Можно сказать, что да, смотрели, вместе... И отношение к моей квартире он да, имеет. Это его... Впрочем, не важно.

– Ты говорила, он большой человек.

– Да, председатель совета... Хотя, какой он уже председатель? Там, на небесах, свои председатели...

– Это верно. Но ведь кто-то его отправил... Нефть, она, как правило, на крови замешана...

– Ну да, враги у него, конечно, были, – задумалась Лена. – Но не до такой же степени, чтобы взрывать...

– Поверь, я кое-что знаю о нефтяных войнах. Там и взрывали, и резали...

Перед глазами у Данилы вдруг всплыло видение горячей нефтяной вышки. Дым от пожара густыми черными клубами с гулом уходил в низкое ненастное небо, а недалеко пылал бронетранспортер, под колесом которого лежал солдат с

перерезанным горлом... Он почувствовал, как зашумело в ушах от резкого притока крови.

– Эй, что с тобой? – встревоженно посмотрела на него Лена.

– А что со мной? – встряхнулся он. – Ничего... Просто вспомнилось.

– Что вспомнилось?

– Да так, прошлая жизнь... Хочешь, я тебе на гитаре сыграю? – чтобы сменить тему, спросил он.

– Хочу.

– Тогда подожди немного...

Он поставил в печь два горшочка с целебной смесью и только затем взялся за гитару.

– Петь не могу, не мое это, – покачал головой Данила. – Но инструментал вроде ничего...

Сначала он отыграл партию соло из «Still loving you», знаменитой медленной композиции группы «Scorpions». По струнам, как по волокнам души...

– Данила, да у тебя талант!

Восторг в ее голосе густо был смешан с фальшью. Ей понравилось, как он играл, но при этом она понимала, что до совершенства ему далеко.

– Тебе в Москву надо. Там гитаристы нужны.

– Какие гитаристы? Самоучка я. От скуки на все руки... В Москве и без меня дилетантов хватает. Да и не хочу я туда...

– Почему?

– Беспокойно там. И люди злые... А здесь хорошо, и на душе тихо...

– Ну да, и от скуки на все руки, как ты говоришь... Даже не знаю, как можно так жить, одному да еще в такой глуши?

– Если бы я здесь не жил, где бы ты сейчас была? Разобрали бы тебя сейчас по косточкам...

– А если бы Герман не разозлился на меня, если бы не высадил?

– За что он мог на тебя разозлиться?

– Мог. И разозлился. Сама виновата...

– В чем?

– Не важно... Слушай, у тебя вроде спирт был. Может, нальешь, а? – заговорщицки, но откуда-то издалека посмотрела на него Лена.

– Тебе нельзя, у тебя с ногами не все хорошо. Алкоголь навредить может.

– А сумочку не подашь?

– Какую сумочку?

– Черт! Черт!! Черт!!! – забилась вдруг в истерике Лена. – Я же сумочку потеряла... Или в вертолете оставила... Не помню. Не помню!

– Тихо, тихо, – попытался успокоить ее Данила.

– Что тихо? Ты хоть знаешь, что там было?!

– Что?

– Колье там было, с бриллиантами!.. Там дефект небольшой был, оно мне шею колело, я его в сумочку положила,

думала, потом надену... А тут все как началось! А-а!..

– Ты два раза погибнуть могла. Два раза! Радоваться должна, что выжила, а ты из-за какого-то колье страдаешь!

– Из-за какого-то?! Да ты хоть знаешь, сколько оно стоит?

– Сколько бы оно ни стоило, жизнь все равно дороже...

– Девяносто тысяч долларов оно стоило! – возмущенно вскрикнула Лена. – Девяносто!!!.. И одно другому бы не помешало...

– Ко мне-то какие претензии? – охлаждаясь посмотрел на нее Данила.

И этим привел ее в чувство.

– К тебе?!.. К тебе никаких, – тряхнула она головой. – Ты здесь ни при чем... Просто колье жаль...

– Его ведь и найти можно, – немного подумав, сказал он.

– Как? – обнадеженно встрепенулась она.

– Сейчас никак. А когда снег сойдет, можно и поискать.

Гарантий дать не могу, но все может быть...

– Ты это серьезно?

– А почему нет?

– И если найдешь, вернешь мне?

– А ты сомневаешься?

– Да нет, на хапугу ты вроде бы не похож...

– Если все-таки сомневаешься, можем вместе поискать.

– А когда снег сойдет?

– В июне. А может, даже и в мае.

– Шутишь?! Да я здесь за полгода с ума сойду!

– Ну почему полгода? Всего четыре месяца, или даже три...

– А здесь у вас месяц за два. Или даже за три!..

– Домой, в Москву хочешь?

– А как ты думаешь?

– Я думаю, что здесь ты не останешься...

– Нет, мне, конечно, здесь интересно, но, пойми, я долго не протяну!

– Я тебя понимаю... Ты спать ложись. Поздно уже.

– А как же бальзам?

– Он только утром готов будет. Он долго варится, а потом его еще на морозе остудить надо. И так, чтобы не заledenел... Ты спи давай, а я тебя посторожу...

– От кого? От волков?

– Да, от серенького волчка, – улыбнулся Данила. – Чтобы за бочок не укусил...

– Тогда и я на краю ложиться не буду, – ему в тон отозвалась девушка.

Она действительно переместилась поближе к стенке. А кровать у Данилы была широкой, поэтому осталось свободное место. Хотелось бы его занять, но кто позволит?

Он выключил свет, бросил поверх скамьи тулуп, лег на него.

– Что-то не спится, – поворочавшись с боку на бок, сказала Лена.

– Это нервное. После того, что пережила... Тебе успоко-

иться надо. И согреться...

– А где твое молоко с медом?

– Вот и я о том же...

Он растворил молочный порошок в кипятке, добавил туда меда, подал этот горячий коктейль девушке.

– Ерунда, конечно. Но лучше что-то, чем ничего...

– Не знаю, мне нравится... Ну, я сплю?

– Спи.

– А ты?

– Я здесь, на лавке.

– Она же узкая.

– Вот и хорошо. Если вдруг засну, то свалюсь и проснусь...

– Может, рядом со мной ляжешь?.. Мама тоже со мной спать ложилась. Когда я маленькой была. Молоком напоит и рядом ляжет...

– Ты же не маленькая. И я не твоя мама...

Данила крепко зажмурил глаза, как будто этим он мог избавить себя от резко возросшего напряжения.

– Да, но ты обещал растереть меня жиром.

– Это барсучий жир, он очень вонючий, тебе не понравится.

– А тебе? Тебя не стошнит, если я буду лежать рядом с тобой вся в этом вонючем жиру? – Лена не унималась и продолжала провоцировать его.

– Не стошнит.

– Может, попробуем?

В комнате было темно, к тому же она лежала на боку к нему спиной, и невозможно было увидеть, какая улыбка играет на ее губах – распутная, коварная или то и другое?

– Попытка не пытка, – в растерянности пожал он плечами.

– Ну, тогда чего ты ждешь?.. Или ты хочешь, чтобы я заболела воспалением легких?

Данила поднялся со скамейки, полез в рюкзак, слегка поддрагивающими пальцами вынул оттуда баночку с барсучьим жиром, открутил крышку, на слабеющих от волнения ногах подошел к девушке, сел на краешек кровати. Лена тут же повернулась на спину; с шальной улыбкой глядя ему в глаза, опустила верхний краешек одеяла, приоткрыв грудь.

– Ты что, правда хочешь, чтобы я заболела? – подстегивающе спросила она.

– Нет.

Он зачерпнул пальцами застывшую жирную массу, выложил ее на грудь и принялся втирать в кожу – медленно и мягко, затем постепенно увеличивая частоту и силу движений.

– А спину слабо? – спросила она, резко перевернувшись на живот.

Одеяло сползло до талии, но, когда парень взялся было приподнять его, девушка мотнула головой. Он пожал плечами и принялся намазывать и растирать спину между лопаток.

– Ниже... – попросила она.

Он послушно провел жирными пальцами вниз вдоль позвоночника... Это было больше похоже на массаж, чем на обычное растирание, но, кажется, именно этого Лена от него и хотела.

– Еще ниже...

Она сама откинула одеяло, обнажив тугие и высокие выпуклости. На ней не было трусиков, и Данила от неожиданности оробел.

– Ну не тормози!

Она поймала его за руку, ладонью положила ее на гладкий нежный холм. Она еще раньше разбудила в нем самца, а сейчас еще дала ему и полную волю...

Глава 3

Ветер с разгона снял с наста снежную пыль, взвил ее ввысь, закрутил, бросил вниз и поземкой потащил в глубину леса. Как раз в том направлении, куда собирались отправиться Данила и Лена.

– Скатертью мне дорожка, – рассмеялась она.

Данила молча и уныло вздохнул. Он не хотел, чтобы девушка уезжала, но ему не хватало совести просить ее остаться. Во-первых, понимал, что не послушается. Во-вторых, это было бы жестокостью с его стороны. Лена – дитя мегаполиса, она привыкла к шумной жизни, миазмы выхлопных газов для нее все равно что хвойный лесной воздух для него. Она уже захандрила здесь со скуки, а что будет дальше?.. К тому же он сам привык жить в одиночестве. И что греха таить, за ту неполную неделю, что Лена провела с ним в ожидании хорошей погоды, он уже начал тяготиться ее обществом. Она очень ему нравилась, он, можно сказать, был влюблен в нее, но эти ее капризы, перепады настроения... Это хочу, это меня раздражает, а от этого просто тошнит. И это бесконечное нытье из-за отсутствия удобств, к которым она привыкла в городе...

– Ты уверена, что справишься? – спросил он.

Его бальзам снял опухлость с ее ног, вернул им здоровый цвет. Она хорошо отдохнула, набралась сил. И сейчас они со-

бирались отправиться в путь длиною шестьдесят верст, вдвоем, на лыжах.

– А чего мне бояться? – улыбнулась она. – Если вдруг устану, ты сделаешь санки, возьмешь меня на буксир... Или нет? Может, я уже потеряла для тебя ценность?

– Не говори глупости.

– Даже не уговариваешь меня остаться.

– Это бесполезно.

– Ты умный парень, Данила. И я тебя люблю...

Ее признание прозвучало убедительно бодро, но глаза она почему-то отвела в сторону. Мысленно Лена была уже в Москве, которую она, похоже, ценила больше, чем любовь к мужчине. А может, и не было никакой любви...

– Я буду по тебе очень скучать, – искренне, от души сказал он.

– Я тоже, – мило улыбнулась она.

И все-таки посмотрела ему в глаза – нежно, благодарно.

– Я обязательно найду твое кольцо, – пообещал он.

– Забудь, – с наигранной небрежностью отмахнулась она.

– Ты не хочешь, чтобы я к тебе приехал?

– Ну почему же не хочу? Очень хочу! И если ты привезешь кольцо, я буду очень рада.

– Обязательно привезу... Ну что, в путь?

Она весело кивнула и первой оттолкнулась палками от непрочного еще наста. Данила остался на месте, внимательно наблюдая за ней. Движения у нее не самые четкие и эко-

номные, но вполне уверенные. Чувствовалось, что ходить на лыжах она умела. Хотелось надеяться, что шестьдесят верст она одолеет своим ходом. Но если нет, он, конечно же, поможет ей добраться до поселка... А может, не выдержит душа грядущего расставания, и тогда завернет он ее обратно, чтобы еще хотя бы пару деньков насладиться любовью...

Данила в два счета нагнал ее, пошел сзади. Веста рядом, она, если что, предупредит об опасности. Но все же ему спокойней, если Лена будет на виду...

Первые десять-пятнадцать верст они шли тайгой, потом потянулось поле – сплошная снежная равнина, пересеченная руслом замерзшей реки. На то, что здесь должна была быть дорога, указывали покосившиеся столбы с электрическими проводами.

Дорога подводила путников к лесу, когда из его глубин им навстречу вынырнули три «всадника» на быстроходных снегоходах.

Это могли быть встречающие. Данила сообщил диспетчеру, что вышел в путь вместе с Леной, а она была единственным человеком, который мог рассказать правду о крушении вертолета. Ею могло интересоваться МЧС, об интервью с ней могли мечтать и журналисты. Но в первую очередь с ней бы хотели поговорить представители компании, которую возглавлял ее босс.

Но мотовсадники промчались мимо них, даже не останавливаясь. Их лица были закрыты затемненными стеклами

шлемов. Но все же Данила заметил, как смотрели они на Лену. Всматривались в нее, как будто хотели опознать.

На ней были лыжные солнцезащитные очки, но это, похоже, не защитило ее от пытливых взглядов. Всадники как будто узнали ее, развернулись в полуверсте от них, снова пошли на сближение.

Первым почуяла неладное Веста. С тревожным лаем она бросилась навстречу снегоходам. На всякий случай Данила скинул с плеча карабин, заполнил патронник. И встал так, чтобы Лена оказалась у него за спиной.

Лайка бежала быстро и успела удалиться от него метров на сто, прежде чем всадники вслух объявили о своих намерениях. Заявление озвучила короткая автоматная очередь, которая сразила Весту наповал.

Человек, которому пришла в голову безрассудная мысль пристрелить собаку, даже не догадывался, какую глупость он только что совершил. У мотоциклеров была возможность приблизиться к жертвам на предельно опасное для них расстояние. Но своим глупым поступком они поставили Данилу на боевой взвод. И у него уже не было сомнений в том, что делать дальше.

Ему совсем не нужно было метиться, чтобы наверняка поразить цель. Ствол карабина был продолжением его сознания, траектория пули – смертельным порождением боевых рефлексов. Он долго и упорно шел к тому, чтобы овладеть искусством столь быстрой и точной стрельбы. Потому что

знал, чем в реальном скоростном бою может обернуться промедление в секунду и, тем более, в две...

А карабин «Сайга» – отличное оружие в руках, с которыми оно срослось, как праведная мысль с правым делом.

Первым слетел со снегохода глупец, посмевшийся поднять руку на верную Весту. Секунду спустя простреленной головой воткнулся в снег его сообщник. Третий всадник успел нажать на спусковой крючок пистолета-пулемета, но ему не хватило времени, чтобы точнее прицелиться, и короткая очередь прошла высоко над головой Данилы. А пуля из карабина тут же наказала его за эту роковую ошибку – выбила из седла.

Два снегохода сошлись друг с другом, столкнулись и опрокинулись, а третий, замедляя ход, проехал мимо стрелка и остановился метрах в трехстах от него.

– Карета подана, – сказал он, обращаясь к Лене.

Девушка не оценила его юмор, потому что была не в состоянии сделать это. Она шокированно, широко раскрытыми глазами смотрела в сторону, откуда на них надвигалась опасность. Она никак не могла понять, почему люди на снегоходах открыли вдруг огонь. И, похоже, не могла взять в толк, что Данила уже покончил с ними – быстро, раз и навсегда.

Впрочем, ему тоже было не до веселья. Глянув на трофейный снегоход, он поспешил к своей Весте в надежде, что собака жива и ее можно спасти.

Лайка действительно еще дышала, но жизнь в ее глазах

уже остыла. Пуля попала ей в раскрытый рот, и шансов у нее не было. Собака умирала в мучениях, но у Данилы не поднялась рука облегчить ее страдания. Он плакал и ждал, когда она сама испустит дух.

– Ты... Ты убил их из-за Весты? – срывающимся на истерику голосом спросила Лена.

– Я убил их, потому что они хотели убить тебя. Или нас обоих. Ты же видела, у них оружие...

– Но... Но и у тебя оружие... Они стреляли в твою собаку. Может, они думали, что это волк!

– Они сами – волки. И охотились они на нас... Или только на тебя...

– Зачем? – пронзительно, в страхе посмотрела на него девушка.

– А зачем ваш вертолет взорвали?.. Кто мог это сделать?

– Не знаю.

– Кто-то хотел убить твоего босса. И убил... Теперь твоя очередь.

– Но я-то здесь при чем?

– Ты знаешь, что вертолет взорвался. Что не сам упал, а что его нарочно взорвали. Что это фактически убийство... И где обломки искать, ты знаешь... И я, кстати, тоже...

– Что же нам делать?

– К людям ехать. Расскажем про взрыв, про обломки. Когда это станет известно всем, отпадет смысл тебя убивать...

– Ты думаешь?

– Не знаю, может, за тобой еще что-то есть. Может, что-то знаешь про своего босса такое, о чем не должна знать? Может, знаешь, кто мог его заказать?

– Не знаю... Ничего не знаю... Мне страшно...

– Хочешь, оставайся со мной... Если, конечно... – запнулся Данила.

– Что, конечно?

– Меня ведь и привлечь могут. За превышение необходимых пределов... А могут и в умышленном обвинить... Все-таки три трупа... А если мы в бега уйдем, ты просто не выживешь... Нет, тебе лучше в Москву ехать, – решил он. – Но не через поселок. Там нас, возможно, будут ждать. И встретят ружьем-порохом... На станцию надо ехать, на поезд тебя посажу... А до станции почти триста километров...

Данила с нежностью погладил мертвого пса, тяжело вздохнул и направился к снегоходу в надежде, что это не «Буран» или «Тайга». Он ничего не имел против отечественной техники, если бы не их ужасающий расход топлива. Но ему повезло: для охоты на них киллеры выбрали японскую технику. Бак, правда, был не полный, но в запасе имелись еще две машины. Даниле пришлось снять с покойника шлем, чтобы использовать его вместо канистры. Он сливал в него бензин с одного снегохода и наполнял бак другого. Со стороны это могло показаться мародерством, но у него не было другого выхода.

Он привязал к снегоходу две пары лыж, посадил себе за

спину Лену, и они отправились в путь. Куда ехать, он знал, а машина показала отличную прыть. Лесом он снижал скорость, по долу – давал разгон. И уже к вечеру был на месте.

Проблема заключалась в том, что у Лены не было документов. Но Данила взял билет на свой паспорт, щедро заплатил проводнице, чтобы избежать претензий с ее стороны.

– Спасибо тебе, – на прощанье поблагодарила его девушка. – А деньги я тебе верну. Когда приедешь в Москву...

– Возвращать ничего не надо. А в Москву я приеду. Найду колье и приеду...

– Даже если не найдешь, все равно приезжай...

Дородная проводница с отеками надбровьями смотрела на нее с восхищением и ехидством одновременно. Ее впечатляла роскошная песцовая шуба и смешили тяжелые мужские ботинки, которыми Лене приходилось довольствоваться взамен испорченных и брошенных в лесу ботфорт.

– Приеду, – кивнул он. – Обязательно приеду... Только разберусь со всем этим...

– Ну, все, хватит ворковать, голубки, – обнажив желтоватые от табака зубы, злорадно сказала женщина. – Едем уже.

Она выставила Данилу за порог тамбура и закрыла за Леной дверь.

Возможно, Лена помахала ему рукой на прощание, но он не мог этого видеть: все окна в поезде были затянуты плотными морозными узорами.

На станции он заночевал в худой придорожной гостинице,

а утром, чуть свет, отправился в обратный путь. В поселке он первым делом зашел в участковый опорный пункт милиции, где сдал карабин и честно признался во всем, что содеял.

Сначала его взяли под стражу. А когда обстоятельства происшествия прояснились, отпустили под расписку. Во-первых, киллеры были с оружием, а Даниле удалось доказать, что они первыми открыли огонь на поражение. Во-вторых, средства массовой информации начали собственное расследование трагедии. И Лена уже из Москвы дала интервью о том, как взорвался вертолет, как ее пытались убить. И еще в поселок нагрянула поисковая группа МЧС, которая и забрала Данилу, чтобы он показал приблизительное место, где все случилось.

Но зимой найти останки погибших и обломки вертолета не удалось: метель надежно погребла их под снегом.

А весной, в мае состоялся суд, который оправдал Данилу по всем статьям. К этому времени в тайге сошел снег и, не дожидаясь второго пришествия поисковой группы, он сам занялся вертолетом. И обломки нашел, и фрагменты человеческих тел... Пока не прибыла группа, он тщательно обследовал местность в районе падения останков и обломков, но женскую сумочку с бриллиантовым колье так и не нашел.

Правда, нашел брелок автомобильной сигнализации – без ключей, без обгорелостей, как если бы он вывалился из горящего вертолета. Может, эту штуку обронила Лена. Возможно, этим брелоком ставилась на сигнализацию ее машина. Но

где же тогда ключи?..

Данила с грустью нажал на кнопку, представил, как защелкиваются двери на ее машине там, в далекой Москве. Приятные фантазии. Приятные, потому что мысленно увидел Лену. Фантазии, потому что слабенькая радиоволна не могла преодолеть расстояние до нее, да и батарейка в пульте окислилась от сырости. Он мог бы выбросить брелок, потому что Лена в любом случае в нем уже не нуждалась. Или запасной пульт у нее был, или она просто сменила сигнализацию... Но выбрасывать брелок он не стал, приберег его как память...

Удача приветила его чуть позже, когда он взялся исследовать возможный маршрут, которым Лена шла на встречу с волками. На поиски ушло не меньше месяца, но все-таки он нашел сумочку. Она лежала в болотистой луже, ремешком зацепившись за сучок гниющей коряги. Оказалось, Данила несколько раз проходил мимо этого места, но только в конце июня сумел зацепиться взглядом за ремешок, который легко можно было принять за истлевший древесный прутик... Паспорт в сумочке превратился в целлюлозную слизь, косметика – в дурнопахнущую массу, ключи от квартиры и машины заржавели, но с колье ничего не случилось – все-таки золото и бриллианты. Кстати, ключи от машины были без брелока сигнализации, что позволило ему точно установить природу происхождения более ранней находки.

Колье стоило девяносто тысяч долларов, продать его можно было за пятьдесят. Данила никогда не держал в руках та-

ких денег. Но тем не менее и подумать не мог, чтобы оставить эту вещь себе. Он страшно соскучился по Лене. Он очень хотел к ней. И это счастье, что в Москву он поедет не с пустыми руками.

Глава 4

Стоянка поезда – тридцать минут, и он только-только при-швартовался к перрону. Данила смотрел в окно и удивлялся, почему люди не идут к вагонам, а почти бегут. Пышная коротконогая женщина в зеленой длиннополой кофте и цветастом платке, с двумя клетчатыми сумками в руках, глаза большие и выпученные, как у белки-летяги в момент приземления на ветку; губы трубочкой, как будто загудеть хочет: «Постой, паровоз! Я сейчас, сейчас...» Но эта видно, что из деревни. А вот долговязый сухопарый мужчина с интеллигентным складом лица, модный летний костюм на нем, туфли отливают лаком, пластиковый чемодан аккуратно катится вслед на колесиках. Но шагает он широко, быстро, как будто боится не успеть...

Были, конечно, исключения. Вот идет худенькая девушка с милостивым, но угреватым лицом. В одной руке тяжелый чемодан, в другой – пузатая спортивная сумка. А рядом парень – налысо бритый, с крупными и смазанными чертами лица. Маленькие нахальные глазки, толстые губы обжимают горлышко пивной бутылки, которую он держал одной рукой. Вторая конечность тоже занята – ею парнишка обнимал обремененную ношей девушку, по сути, висел у нее на шее. Любовь зла, полюбишь и дегенерата...

До Екатеринбурга Данила ехал в купе один. Но точно

знал, что сейчас у него появятся соседи. До Москвы путь не близкий – хотелось бы знать, с кем его коротать. Пусть будет тетка в цветастом платке или долговязый мужчина с чемоданом на колесиках. Лишь бы только не лысый нахал со своей рабыней. Еще шуметь начнет, права качать, как бы его тогда случайно не покалечить. Не любил он таких типов, и если на него вдруг найдет, может и челюсть сломать.

Но прыщавая девушка пронесла своего недоношенного дружка мимо его вагона. Женщина в зеленой кофте с шумом протиснула свое грузное и утяжеленное сумками тело в коридор, стихийным бедствием пронеслась мимо купе.

Затишье после бури длилось недолго. В купе к Даниле вломились два парня лет двадцати пяти. Белобрысый верзила с широким треугольным носом и мясистыми, сильно обветренными губами. И худосочный живчик – чернявый, смуглявый, с длинными пышными ресницами над большими, раскосыми, как у лисицы, глазами.

– Здорово! – трубным голосом прозвучал верзила. И протянул Даниле крепкую широкую ладонь. – Степан.

– А я Тимоха! – развязно подмигнул ему чернявый.

Но руки не подал. Бросил свою сумку на свободную нижнюю полку, закинул ногу за ногу, языком выковырял из-за щеки резиновый комок, смачно жевнул.

– Степа, ты же любишь сверху, да?

– И наверху люблю, и сверху, – кивнул верзила, легко забросив свой чемодан на третью багажную полку.

– Было бы на ком, да? – сорвавшись на фальцет, засмеялся чернявый Тимоха.

– Так нет же никого, – расстроено протянул Степан.

Парень был одет неплохо – новенькая футболка с нагромождением из иностранных слов, добротные джинсы с умеренными потертостями, кроссовки с высокой подошвой. Но сидело это все на нем как-то непритязательно. Как форма на солдате первого срока службы. Зато его дружок Тимоха, если пользоваться таким сравнением, был похож на дембеля. Непринужденный, раскованный, те же джинсы и футболка шли ему так, будто он в них родился.

– Ничего, братишка! Нам еще ехать и ехать! Весь поезд обойдем, а подруг себе нароем!.. Вот Данила нам скажет, где тут у нас рыбные места.

– Не знаю, не искал.

– Ты что, монах?

– Нет, но не озабочен.

– А мы, брат, озабочены. Как говорится, все, что движется...

– Ты это, будь осторожен, ладно? А то ведь поезд тоже движется, как бы не перепутал чего...

– Ты не так понял, – насупился Тимоха. – Мы все, что в поезде... Степа, объясни человеку!

Верзила сел напротив Данилы, уперся ладонями в широко разведенные колени, выставил вперед локти. В упор посмотрел на него.

– А чего тут объяснять? Он все понимает. И выпьет с нами за знакомство, да ведь, Данила?

– Извини, но я не пью.

– Не пью, не курю, баб не... Ну, ты в натуре! – оскалился Тимоха.

– Ну почему не курю? Курю. А пить нельзя...

– Болееешь?

– Ты меня не трогай, ладно? – Данила лег на спину, забросил руки за голову. – А то ведь я и разозлиться могу.

– Ух, мы какие! – пренебрежительно протянул Тимоха.

И тут же выдал ту же самую фразу, но уже другим, возмущенно-заигрывающим тоном. И виной тому была юная и симпатичная шатенка, заглянувшая к ним купе.

– У меня четырнадцатое место, – звонкой капелью прозвучал ее сочный, с нежной хрипотцой голосок.

Невысокая, худенькая, но не сказать, что хрупкая. «Мокрая химия» на голове, высокие, тонко выщипанные брови, крупные светло-серые глаза, того же примерно цвета глянец на красивых полноватых губах. Изящный носик портила небольшая сережка в ноздре. Точно такая жемчужинка торчала из пупка. Короткий топик с бородатым ликом Че Гевары, предельно низко посаженные джинсы с рваниной на коленях. На плече розовый кожаный рюкзачок.

– А у меня тринадцатое! – вскочив со своего места, нахально улыбнулся Тимоха.

И, запанибратски обняв за талию, пропустил мимо себя к

столу. Рюкзак девушка бросила на полку, которую освободил чернявый. Но, как оказалось, сделал он это не для нее.

– Смотрю на тебя, красавица, и вижу, что мы созданы друг для друга. Ты зайка, а я твой хвостик, ты правая рука, я левая, – Тимоха бодро крутил свою пластинку. Видно, что поднатерел в окучивании женских грядок. – Ты справа должна спать, а я слева...

Все бы ничего, но спать, по его мнению, девушка должна была на месте Данилы.

– Да я не против, – пожала она плечами.

– Жаль, что место занято. Но Данила у нас настоящий джентльмен. Правда, Данила?

Он мог бы оспорить это мнение, но выяснять отношения в присутствии девушки не хотелось. Да и вообще, проблемы ему совершенно не нужны. Что бы ни случилось, нужно сохранять спокойствие. А на рожон лезть и вовсе противопоказано.

Данила молча поднялся, скатал свой матрас вместе с бельем, забросил его на верхнюю полку слева от двери. Сумку оставил под нижним лежаком: вещей у девушки немного, мешать она ей не будет.

– И как тебя зовут, свет моих очей? – продолжал распинаться Тимоха.

– Что?! Свет моих очей?! – неожиданно для него скривилась девушка. – Ты где таких штампов нахватался, чувак?

– Э-э, каких штампов? – ошаршил его такой отлуп.

– Ладно, проехали... – прощаяще отмахнулась она. – Вита меня зовут. Я до Москвы, а вам куда?

– И нам туда же! – снова расхорохорился Тимоха.

– На шабашку или как?

– И так, и сяк...

– Каменщики, штукатуры?

– Почему сразу каменщики? Может, мы студенты?

– Да ладно, студенты... – скептически хмыкнула Вита. – На калым едете, так и скажите. Что здесь такого? Труд, как известно, облагораживает...

– Вот и я о том же! – влез в разговор Степа.

И, чтобы не быть в нем лишним, с пролетарской гордостью выставил на стол две бутылки водки.

– Что, и все? – фыркнула Вита. – А где шампанское? В приличном обществе дам угощают шампанским. Я хоть и не дам, но шампанское люблю!

– Ноу проблем! И шапманское будет! – пообещал Тимоха.

Но за шампанским в вагон-ресторан послал Степу.

– А ты сама зачем в Москву едешь? – спросил он, вплотную подсев к Вите.

И даже просунул руку между ее спиной и стенкой купе, на что девушка никак не отреагировала.

– А парня из армии ждать, – все в том же колком тоне ответила она. – Что, нельзя?

– Может, вместе подождем? – неосторожно спросил парень.

За что тут же поплатился.

– Ты что, парнями, блин, интересуешься? – язвительно засмеялась Вита.

– Да нет, я в том смысле, что мог бы его заменить... – заметно растерялся Тимоха.

– Что, и песни мне петь будешь, и плясать?.. Валерка мой только и делал, что песни пел и яблочком передо мной по тарелочке... А если на его место в постели метишь, так обломайся. Не было у нас ничего. Как из армии вернется, так и будет.

– Так а я уже в армии отслужил, я уже вернулся. Может, со мной можно?

– Что, прямо сейчас?

– Ну а чо? Данила покурить выйдет...

– А обручальное кольцо? А свадьба?

– Так это пережитки прошлого...

– Сам ты пережиток... Все, достал! Вали на свое место!

Данила чувствовал, что наступил момент истины. Слишком уж грубо Вита отшила Тимоху. Парень мог обидеться, нагрубить или даже ударить. Похоже, она и сама с опаской ждала, чем все это закончится. И с надеждой посмотрела на Данилу. Дескать, если что, выручай. Как будто знала, что не жалуется он этого ухаля.

Но Тимоха проглотил обиду и даже перебрался на свое место. И уже оттуда принялся загружать девушку лапшой собственного приготовления, которую она вполне успешно

отбрасывала в сторону. А потом появился Степан с парой шампанского.

– Данила у нас в завязке, – откупоривая бутылку, во всеуслышанье объявил Тимоха. – Он не пьет.

– Так и я вроде бы зашилась, – засмеялась девушка.

– Ну, так мы разошьем...

– Расшивалки не хватит... Давай, наливай!.. До краев не надо, балда!

Шампанское Вите не понравилось. Кислятина, сказала она. Но, тем не менее, одну бутылку осилила легко, без помощников; и не стала возражать, когда Тимоха откупорил для нее вторую.

– А у тебя что, правда, мужика никогда не было? – спросил он.

– Я тебе не баба, чтобы под мужика ложиться, – хмыкнула Вита.

Она слегка захмелела, но продолжала идти против ветра.

– Ну, не под мужиком, так под мужчиной...

– А тебе зачем знать? Сам хочешь попробовать?

– Ну, не отказался бы! – как кот на сметану облизнулся Тимоха.

– Под мужчиной?!.. Фу-у! Какой ты у нас!

– А я с мужчиной не хочу, – прогудел Степан. – Я с тобой, Витка, хочу!

Данила не выдержал, прыгнул со своей полки, достал из кармана куртки сигареты.

– Противно слушать, – глянув на Степана, сказал он.

– А ты не слушай! – огрызнулся тот.

– А можно и я не буду тебя слушать? – спросила девушка и вышла в тамбур вслед за Данилой.

Подошла к нему, мягко взяла руку, в которой он держал пачку сигарет, приподняла ее.

– Что там у тебя? Красный «Мальборо»? Угостишь?

– Угощу.

Он позволил ей вытащить из пачки сигарету, щелкнуть зажигалкой.

– Вот придурки, достали уже! – выдув под потолок струю дыма, вроде как дружелюбно, с отстраненной насмешкой сказала она. – Как мухи липнут.

Чуть-чуть подумав, добавила:

– Как мухи на сладкое!

– Так ты повод даешь, потому и липнут.

– Я?! Повод даю?! – вскинулась она. – А если я шапманское люблю?

– Ты же сама говорила, что кислятина...

– Я говорила? А ты что, подслушивал?.. Лежишь себе на полке, ждешь чего-то... Может, ты ждешь, когда они со мной вдвоем, а? Ты что, вуайерист? Или присоединиться хочешь?

– Мало выпила? – с насмешкой и упреком посмотрел на нее Данила.

– Извини, – опомнилась она. – Нашло что-то... А то, что не пьешь с нами, правильно делаешь. Когда что-то ценное

везешь, надо быть осторожным, а то напоят и обдерут как липку...

– О чем ты? – удивленно посмотрел на нее Данила. – Что я ценное везу?!

– Да это я так, маму вспомнила... Я и сама ценность большую везу. А веду себя неосторожно...

– И что за ценность?

– Ну, я же не спрашиваю, что там у тебя... Да и нет у тебя такого. Девственность я свою везу... Ты бы посматривал за мной, ладно? А то вдруг набросятся... Черт! Вспомни козлов, и появятся!

Из коридора в тамбур зашли Тимоха и Степан. Руки в брюки, в движениях агрессивная небрежность.

– Ой, мальчики, а я уже все! – затушив сигарету, весело объявила Вита. – Вы здесь пока побудьте, а я закроюсь, мне переодеться надо. Я быстро...

Она вышла из тамбура, и Данила один на один остался с парой озабоченных приятелей.

– Ну, и о чем вы здесь терли? – недобро усмехнулся Тимоха.

– О жизни, о любви.

Данила не стал смотреть ему в глаза, чтобы не спровоцировать всплеск более жестких эмоций.

– И о чем договорились? – с угрожающим видом спросил Степан.

Чувствовалось, что парень хорошо под градусом. Еще не

шпатается и даже язык не заплетается, но кулаки уже чешутся.

– Ни о чем.

– Вот это правильно, – смягчился Тимоха. – Если хочешь с ней, в очередь становись. Мы тут уже договорились. Я первый, Степа второй, ну а ты, стало быть, третий...

– А с ней вы договорились? – пренебрежительно усмехнулся Данила.

– Зачем? Напьется, сама запросит...

– А если не запросит?

– Ну, я ей намекну. Она не дура, поймет...

– А если дура?

– Я не понимаю, ты, вообще, к чему клонишь? – нахохлился Тимоха.

– Да к тому, что если насильничать будете, я с вами церемониться не стану...

– Насильничать?! Да за кого ты нас держишь? – зло, но искренне возмутился Степан.

– Ну, а если будем, что ты нам сделаешь? – встал в позу Тимоха.

– Милицию вызову. Я с вами свинью не резал, мясо не делил, так что совесть не замучает...

Данила открыл дверь, чтобы выйти из тамбура, и услышал след.

– Не, ну ты видел, какое мурло! – возмущенно протянул Тимоха.

– Может, он сам из милиции? – с точки зрения житейской

мудрости рассудил Степан.

Данила усмехнулся и продолжил путь. Не такие уж они плохие, чтобы учить их уму разуму кулаками. Да и опасно это. Прежде всего, для них самих...

Дверь в купе была закрыта изнутри.

– Я сейчас! – донеслось из-за нее.

«Сейчас» растянулось минуты на три. В конце концов, дверь открылась, и он смог пройти в купе. Вита сменила смелый топик на более скромную футболку.

– Это ты правильно сделала, – сказал он. – А то эти деятели тебя уже поделили...

– И кто первый, Тимоха? – ничуть не смутилась она.

– Ну, это по твоему желанию.

– Желания у него, а я не золотая рыбка, чтобы их исполнять...

– Спать ложись, от греха подальше, – посоветовал он.

– Пусть они сами спать ложатся.

– Не дождешься. Боюсь, они на всю ночь включились.

– Кто знает, кто знает, – загадочно улыбнулась Вита.

И, взяв со стола стакан с остатками шампанского, в один глоток осушила его до дна. Данила забрался на свою полку, лег на живот и уставился в окно. Ночь, темно, и видно, как со скоростью поезда несется по земле свет из окон вагона.

В купе вернулась озабоченная парочка.

– Данила, давай на мировую выпьем? – предложил Степан.

Ответом ему было молчание. Слышно было, как разливается водка и шампанское по стаканам

– А вы что, с Данилой поругались? – выпив, спросила Вита.

– Да нет, просто он за стоп-кран дернуть хотел, а мы не разрешили, – нашелся Тимоха. – Ты вот мне скажи, Виточка, в самолете какой стоп-кран, красный или синий?

– Конечно, синий. Небо же синее!

– А вот и нет, в самолете стоп-крана вообще нет!

– Кто тебе такое сказал? – удивленно возмутилась девушка.

– Зачем говорить, и так ясно. Какой может быть стоп-кран в самолете? – неуверенно засмеялся Тимоха.

Похоже, он уже понял, что Виту ему не переиграть.

– Как какой? Синий! Он в кабине у пилота. Своими глазами видела!

– Да нет, этого не может быть...

– А я говорю, есть! Даже дернуть за него хотела. А он не разрешил! Сейчас, говорит, двигатели остановятся, и камнем вниз!

Вита заливала, но так убедительно, что хочешь не хочешь, поверишь.

– Кто не разрешил? Кто говорит?

– Ну, ты крендель! Пилот, кто ж еще!

– А что ты там с ним в кабине делала?

– Тебе скажи, и тебе захочется! А я девушка порядочная, я

только с пилотами могу, и чтобы высота не ниже семи тысяч метров...

– Что, за синий кран не дали дернуть? Только за красный?

– Если ты хотел меня обидеть, то поздравляю! – Вита протестующе отодвинула от себя стакан с недопитым шампанским.

– Да ладно тебе! – едва ворохнул языком Тимоха.

Он медленно и тяжело поднялся со своего места, грузно плюхнулся рядом с Витой, обнял ее за талию и вдруг уронил голову на ее плечо.

– Эй, ты чего, спать сюда пришел? – возмущенно спросила она.

Но Тимоха лишь закрыл глаза и безнадежно мотнул головой. А спустя минуту-две нагло вдруг захрапел. Тут же к нему присоединился также заснувший Степан.

– Ну, чего лежишь? – обращаясь к Даниле, насмешливо спросила Вита. – Помоги убрать это!

Он помог ей переместить парня на его полку, но воздержался от того, чтобы отправить на свое место и Степана. Слишком уж тяжелым он казался, чтобы забросить его на второй этаж. Так и оставил его спать в обнимку с Тимохой.

– А ты говорил, что не уснут, – усмехнулась девушка. – Видишь, как быстро умаялись?

– Ты помогла?

– А то!

– Чем?

– Да димедрол у меня был. В поезд брала, ну, чтобы всю дорогу спать...

Данила ей поверил. Хотя бы потому, что сам держал при себе снотворное.

– Так и спала бы!

– Ну да, с такими гоблинами только спать. Заснешь девочкой, а проснешься женщиной...

– И куда ты димедрол насыпала, в водку?

– Ну да. Пока вы в тамбуре были.

– Димедрол с алкоголем – опасно, ласты можно склеить.

– Да ладно, не гони. Посмотри, какие они счастливые!

Данила усмехнулся, глянув на парней. На их лицах действительно запечатлелось выражение радостного покоя. Возможно, им снилось, как они вдвоем в кабине самолета пилютируют стюардессу Виту...

– А ты правда в кабине самолета была? – спросил он.

– Издеваешься? Кто меня туда пустит?..

– А стоп-кран?

– Ты сам стоп-краном не будь, ладно?.. Какой в самолете может быть стоп-кран?

– Да, заливать ты умеешь!

– Мама всегда говорила мне, девочка, этот мир жестокий, надо уметь защищаться. Кулачки у меня слабые, так хоть языком...

– Язык не только до Киева довести может, но и до греха...

– Да знаю, нарваться можно. Но ты бы меня защитил, да?

– Я что, похож на спасателя?

– Ну, не знаю. Лицо у тебя доброе. И взгляд... Ты кем работаешь?

– Егерь я.

– Егерь? Это который с ружьем по лесу ходит? Типа, охотник?

– Да, это который по лесу с ружьем ходит и лес от охотников охраняет...

– От браконьеров, знаю... Но все равно охотник. А кто Красную Шапочку от волка спас? Ну, в смысле, брюхо ему вспорол и ее вместе с бабушкой выпустил... Охотники же Красную Шапочку спасли. А я, между прочим, в Москву к бабушке еду. Мама просила ей денег передать, на пирожки. А тут волки... Но я от них отбилась, правда?

– Правда, – рассмеялся Данила.

Его забавляла веселая непосредственность, с которой тараторила Вита.

– А если вдруг настоящий Серый Волк появится? – наигранно ужаснулась она.

– Насколько я помню, Серый Волк должен сначала сожрать Красную Шапочку. А потом уже охотник должен ее спасти.

– Но так-то в сказке! А ты такой большой, и в сказки веришь! Не стыдно?

– А что, могут волки появиться?

– Нет, конечно, – с насмешкой в глазах мотнула головой

Вита. – Просто хочется побыть слабой, и чтобы рядом был мужчина, который мог бы защитить... Если ты егерь, то стрелять, наверное, умеешь.

– Нечем стрелять.

– Вот и я говорю, что нет у тебя пороха в пороховницах. Не пьешь, не пристаешь... Может, я хочу, чтобы ты ко мне немного поприставал!

– Тебе восемнадцать хоть есть?

– Есть. Скоро девятнадцать будет... Ну, чего сидишь, давай, приставай!

– Мне кажется, тебе нравится все вокруг в фарс превращать.

– А вся наша жизнь – фарс... И не надо ко мне приставать. Это я, правда, пошутила... Мне в Москву надо, к бабушке... – беспомощно улыбнулась Вита.

– Пирожки передать? – усмехнулся он.

– Ну, и это тоже. А так я в театральное училище хочу поступать.

– Я смотрю, ты уже в поезде репетировать начала, – усмехнулся Данила.

– Да нет, это у меня состояние души такое. Сумбур там у меня полный. Страшно мне, отвлечься надо, – жалостливым тоном сказала девушка и закусила нижнюю губу, как будто пыталась сдержать слезы.

– А почему страшно?

– Да потому что попала я.

– Куда попала?

– Вообще, попала... Козел у нас один в Екатеринбурге живет. Ты, говорит, мне нравишься и будешь со мной жить. Страшный такой, козлом старым воняет. В общем, я ему – сейчас, говорю, норматив по гимнастике сдам. Он – какой норматив? А через козла, говорю, прыгать, чтобы задницу об рога не ободрать... А он меня раз, в машину и к себе, закрыл в подвале и давай голодом морить. Ты, говорит, немного для меня толстенькая, как раз килограммов десять и сбросишь. А я все пятнадцать сбросила!.. Но с голодухи чуть не кончилась... Ну, он смотрит, что я дошла, дашь, спрашивает, или не дашь? А что мне делать? Жить хочется... Да, говорю. Он меня к себе в дом привел, постель показал, раздевайся, говорит. А я ему – ты что, спрашиваю, совсем свинтился на старости лет? Мне бы душ принять, приодеться. А он – так это, говорит, само собой. Белье мне какое-то из секс-шопа дал, ну, пояс там с подвязками, чулки... Извращенец хренов... Ну, я ему – жива, говорю, твоя старая курилка! И в ванную. А там окно... В общем, я через окно вылезла и бежать. А у него дом большой, участок о-го-го, пока до забора добежала, думала, сердце остановится. Ну, и от страха, и запыхалась не по-детски... А забор высоченный, думаю, не об рога, так о шипы обдерусь. Но нет, ничего, нормально все. Собаки, правда, на меня кинулись, ну, когда я уже на заборе была. Здоровенные такие «кавказцы»... Хорошо, что охрана не хватилась. А охрана у него – броня крепка, как говорил

мой непутевый папашка... Он вообще, этот козел – большая величина у нас в Екатеринбурге, в областном правительстве заседает... В общем, я в Москву решила уехать. Домой сгоняла, переделалась, денег у мамы взяла, и на вокзал... Вот, думаю, как бы мой старпер своих людей за мной не послал. Ну, мало ли что...

– А лет ему сколько? – взвинченно спросил Данила.

– Говорю же, старпер. Ну, лет пятьдесят, может, больше... Думаешь, я у него одна такая? Знаешь, сколько он уже девочек совратил?

– Сколько?

– Да кто ж его знает! Он же их потом домой не отпускает...

– Почему?

– А зачем ему это? Чтобы они рассказали, как он над ними извращался?.. Он их убивает. Может, в землю закапывает, может, в бетон...

– Зверь! – вскипел Данила.

Вита видела, что задела его за живое. И подула на огонь.

– Еще какой!.. Может, он их потом и съедает!

Ночь вступила в свои права, и Данила уже не мог адекватно воспринимать окружающую реальность. Сознание погрузилось в сумерки, темные силы волчьим воем взывали к обостренно-гипертрофированному чувству справедливости... В принципе, он осознавал, что с ним происходит. И понимал, что ему нужно успокоиться. Поэтому полез в кар-

ман куртки, вытащил оттуда облатку с таблетками.

– Что это? – спросила Вита.

– Успокоительное.

– Нервы?

– Контузия.

– Какая контузия?

– Тяжелая.

– Ты что, контуженный?

– Я тебе этого не говорил...

Данила принял таблетку и закрыл глаза. Сейчас зудящий нервный клубок в груди распутается, кровь успокоится, и его потянет в спасительный сон. Он заснет, а завтра проснется свежий и бодрый, как огурчик с грядки.

– Я не поняла, тебе интересно или нет, что я тебе рассказываю? – с нотками возмущения в голосе спросила девушка.

– Интересно. И я бы мог обломать рога этому старому козлу, – зло сказал он.

Но нервный клубок еще не размотался и продолжал колоть сознание. Успокаивало только то, что человек, о котором говорила Вита, находился далеко-далеко. И нет у Данилы возможности вернуться в Екатеринбург, найти и наказать злодея.

– Да нет, пусть живет. Лишь бы меня не трогал...

– Пусть только сунется! – сжал кулаки Данила.

– А если сунется, ты меня защитишь?

– Само собой...

Он очень надеялся, что старпер не дотянет свои щупальца до Виты. Проблем с законом он уже не боялся, но его пугало, что таблетка начала действовать. Если он заснет, то никакая пушка не сможет разбудить его. Пусть хоть граната в купе разорвется...

Глава 5

Вита сидела на коленях, обхватив ногами его бедра. Фактически она сидела на нем и трясла за плечи.

– Эй, так нечестно! Спать мы не договаривались!

– Да? – ословело посмотрел на нее Данила. – Тогда мне нужно встать!

Девушка соскочила с него, позволила подняться на ноги.

– Пойдем, покурим?

Данила уже коснулся головой матраса на своей полке. Так бы и заснул, как лошадь, стоя, если бы Вита не вытащила его из купе.

В тамбуре он первым делом оперся спиной о стенку, прислонился затылком к ручке стоп-крана. Вита сама сунула ему в рот сигарету, щелкнула зажигалкой.

– Что-то я тебя не пойму, – преодолевая тяжесть в языке, сказал он. – Этих ты усыпила, а мне спать не даешь.

– А если страшно мне? Если они за мной придут?

– Думаешь, я смогу тебе чем-то помочь?

– Не сможешь. Но когда ты рядом, не так страшно...

– А почему это я не смогу? – встрепенулся Данила.

– Ну вот, ожил! – улыбнулась Вита.

– Да, но все равно спать хочется...

– А можно, я обнимать тебя буду? – снова взбудоражила его девушка.

– Не понял.

– Ну, ты внизу ляжешь, на бок, а я за тобой, как за каменной стеной... Ты же крепко спать будешь, ничего не почувствуешь...

– Чего не почувствую?

– Ну, как я жаться к тебе буду?

– А если почувствую?

– Да? Ну, тогда лезть на свою полку...

– Прямо сейчас?

Вита не ответила. Она настороженно вытянулась в струнку, прислушавшись к шуму из коридора. Гулко хлопнула одна дверь в купе, другая...

– Это они! – задрожала она, как мышинный хвостик.

– У страха глаза велики, – выдохнув из себя густой клуб дыма, насмешливо сказал Данила.

Но ему стало не до шуток, когда в тамбур вдруг вломились два тяжеловеса в черных костюмах при белых воротничках.

– Ну вот, я же говорил, здесь она, – неожиданно для него тонким и высоким голосом выдал один из них, пальцем показав на Виту.

Тигриный взгляд, такой же хищный оскал. Лоб, как могучий скальный выступ над бурной рекой, нос, как ударный выступ ледокола, сплюснутые спереди губы, широкий квадратный подбородок, борцовская шея, могучие плечи – как будто воздухом накачаны... И этот его фальцет был так же противоестественен, как старинная медная пушка с камен-

ным ядром вместо ударных ракет под крылом реактивного штурмовика. Но ведь и такая пушка могла выстрелить...

– Иди сюда, кроха!

Зато у второго амбала с голосом все было в порядке. Как будто расстроенная бас-гитара низами взывала над ухом. И рука у него длинная, шириной с бычью ногу.

Парень потянулся к Вите, пытаясь ухватить ее за волосы. Но Данила оттолкнул ее резким движением плеча.

Он значительно уступал каждому из этих громил в габаритных пропорциях, но это его ничуть не смущало.

– А это что за прыщ? – возмущенно пробасил амбал.

И вдруг с такой силой ударил Данилу в живот, что все его мышцы свело судорогой от боли. Он отлетел к двери, за которой мелькали придорожные фонари.

– Скажи спасибо, что не убили! – гоготнул громила и все-таки схватил Виту за волосы.

Но Данила был уже на ногах. Пропущенный удар лишь стряхнул с него сон. Он уже не чувствовал боли, а мышцы гудели от высоковольтного напряжения вырвавшихся на свободу сил.

Парни в черных костюмах даже не догадывались, насколько был опасен Данила в таком состоянии. А он сам уже не отдавал себе отчет в своих действиях.

– Ублюдок! – вне себя от неконтрольной злобы выпалил он.

– Что?! – возмущенно взвыл громила.

Он шагнул к Даниле, ничуть не сомневаясь в собственных силах. Но если бы даже он смог настроить себя на встречу с крутым противником, все равно шансов у него не было. Данила уклонил голову от летящей в нее руки, но подставил плечо, мгновенно провел захват и прием, взломав ее в локтевом суставе. И тут же с невероятной силой ударил противника локтем в челюсть. Ни могучий рост, ни стальные мышцы, ни отменное здоровье – ничто не смогло спасти громилу от позорного поражения. Он рухнул на пол как подкошенный.

Фальцетный амбал быстро смекнул, что с Данилой шутки плохи. И прежде чем атаковать его, качнул маятником свое могучее тело, попытался сбить противника с толку. Но это обманный маневр не прошел. Данила надежно блокировал удар и нанес ответный – напитанный разрушительной энергией кулак размозжил нервный центр в солнечном сплетении...

Данила одержал убедительную победу, после чего должен был покинуть место сражения. Но воспаленные инстинкты подсказали, что это место нужно прежде очистить. И его руки как будто сами по себе, но уверенно нащупали защелку железной двери, распахнули ее, впустив в тамбур замедленно-гулкий колесный перестук и упругую волну свежего ночного воздуха. А тяжелые тела громил показались ему такими легкими...

В себя он пришел уже после того, как за незваными го-

стями захлопнулась тамбурная дверь. Только сейчас он смог осознать, что натворил. К счастью, поезд подползал к какой-то станции, скорость черепашня – оставалась надежда, что громилы выживут после падения. А то не хотелось бы, чтобы к их белым воротничкам добавились белые тапочки.

Он оперся спиной о стену, нервно дрожащей рукой нащупал в кармане пачку сигарет, закурил, затаился на всю доступную емкость легочных резервуаров.

– Жесть! – вне себя от восторга протянула Вита.

– Чего они от тебя хотели?

– Так я же говорила, обратно забрать меня хотели. Сначала того, а потом в бетон... Ну, не они, а этот, Станислав Юрьевич, плешь болотная... Я думала, они тебя в порошок, а ты их с поезда, как будто они ватой набиты...

– Дерьмом они набиты... Пошли отсюда!

Он затушил сигарету о крышку пепельницы, выбросил ее и, увлекая за собой Виту, вышел из тамбура.

В купе он первым делом запрыгнул на свою полку. Лег на спину, закинул руку за голову. Девушку он спас, справедливость восстановил, и колючий ежик в сознании свернулся в гладкий комок. И он уже не нуждался ни в каких таблетках, чтобы заглушить голос возмущенного разума... Но если вдруг амбалы появятся снова, он за себя не отвечает.

– А где ты так драться научился? – спросила Вита.

– Драться?! – удивленно растянул он губы. – Разве это была драка?

– А разве нет?

– Ну, в общем, да...

Драться он умел, еще в школе научился – с пацанами отношения выяснял, из-за девчонок, из-за прочей ерунды. Потом была секция каратэ, с его философией духовного и физического самосовершенствования. А в военном училище, куда он поступил после школы, его просто учили убивать – руками, ногами, холодным оружием и подручными средствами. Это была кафедра специальной разведки, там учили всерьез и надолго. А потом была служба в полку и вторая чеченская война, длительные развед рейды, диверсионные операции. Четыре года учебы, три года практики. Он получил «капитана» досрочно и второй орден, когда случилась беда. Его группу бросили в бой против боевиков Гелаева, там он и нарвался на мину, которая упала и взорвалась возле самой головы... Друзья вытащили его с поля боя, на «вертушке» отправили в госпиталь, где он два месяца пролежал в коме. Долгое лечение, возвращение в строй, а потом инцидент, который поставил крест на его карьере.

Днем Данила был спокоен, а ночами его иногда накрывало. Однажды воспаленное контузией чувство справедливости свело его в ночном городе с бритоголовыми парнями, измывающимися над беззащитной девушкой, чья вина состояла лишь в том, что в ней текла азиатская кровь. Их было много, и двое из них после встречи с ним оказались в реанимации. Его могли посадить, но начальству кое-как удалось

замять скандал. Правда, из армии Данилу не очень вежливо попросили...

Он вернулся в родные края, устроился егерем, слился, что называется, с природой, где все естественно и справедливо, где нет разрушающей энергии ночных городов, от которой срывает крышу...

– Ты чего молчишь? – спросила Вита.

– Думаю.

– О чем?

– О том, что зря в Москву еду. Опасно там.

– Кого тебе бояться?

– Самого себя.

– А ты не бойся. Ты же мужчина, – засмеялась она.

– Легко сказать...

– А зачем едешь?

– Затем, что соскучился. По одной очень хорошей девушке.

– Вау! Да у тебя, оказывается, любовь.

– Не твое дело.

Данила закрыл глаза, представил, как встретится с Леной, как вложит ей в руку бриллиантовое кольцо, как она обнимет его за это, расцелует. Потом они поедут к ней домой, и он покажет ей, как сильно по ней соскучился... На губах выступила благодатная улыбка. А веки налились тяжестью навалившегося сна.

– А если я ревную? – уже сквозь сон донесся до него голос

Виты.

Он никак не отреагировал на ее вопрос. Ему было абсолютно все равно, ревнует она или нет...

Успокоительная таблетка не смогла удержать его от стычки с громилами, но все же она сделала свое дело. Проснулся Данила лишь после полудня. Степан и Тимоха с опухшими лицами угрюмо сидели за столом и хлебали чай.

– А где Вита? – спросил он.

– Где-где, в Нижнем сошла...

– Она же до Москвы ехала...

– Ехала, но не доехала... Ты как убитый спал, – с тоскливым каким-то ехидством сказал Тимоха.

– И что?

– И мы вчера конкретно вырубались... У меня мобильник ушел, а у Степана три штуки, на дорогу взял...

– Куда мобильник ушел? – не понял спросонья Данила.

– В Нижний ушел, за ручку с Витой. А в другой ручке – три тысячи рублей... А где твои часики, браток?

Данила всполошенно хлопнул себя по запястью правой руки. Еще вчера на нем болтались «Командирские» часы с дарственной гравировкой. В благодарность от командующего округом заслужил... Но ведь они могли слететь с него в тамбуре, когда он разбирался с громилами в белых воротничках. Но Тимоха же не мог там же потерять свой телефон, а Степан – деньги.

– Что, тю-тю? Привет Вите!

– Этого не может быть, – мотнул он головой.

– Да, но клофелином она тебя угостила.

– Чем?

– Тем же, чем и нас, балда!

А ведь Вита действительно усыпила Тимоху и Степана. Сказала, что димедролом, а на самом деле это мог быть клофелин, испытанное средство подсадных воровок. Может, она не хотела обворовывать Данилу, но ведь он сам уснул, и так крепко, что не заметил, как снимались с руки часы.

А может, и не только часы?

Он потянулся к своей куртке, сунул руку в карман, где лежал бумажник. Паспорт был на месте, а отсек, в котором хранились деньги, склеился от образовавшейся в нем пустоты.

– Черт!

– Что такое? – с мрачным торжеством в голосе спросил Тимоха.

– Деньги. Там десять тысяч было...

– А ведь говорили тебе в детстве, храните, граждане, деньги в сберкассе...

– Там и храню, – кивнул Данила, вынув из кармашка портмоне банковскую карточку, на которую поступала его зарплата.

Деньги он особо не тратил, поэтому за два последних года на ней скопилась приличная сумма. Хорошо, что Вита не тронула карточку, как она это сделала с деньгами – в знак

благодарности за то, что он ее спас. Интересно, от кого? Может, это были люди, которых она обворовала... Если так, то, видно, в Екатеринбурге она сорвала большой куш. А как еще объяснить то, что за ней устроили охоту.

Бог ей судья, подумал Данила. Паспорт на месте, карточка с деньгами тоже. А потерю часов он как-нибудь переживет. И десять тысяч еще заработает... Вот если бы у него кольцо украли... Колье?!!

Он рывком сбросил тело с полки, в присядку опустился на пол, согнал Тимоху и поднял полку, под которой лежала его сумка. Коробочка с колье должна была лежать в тайнике между фальшивым и основным дном сумки. Но там ничего не было. И коробочка исчезла, и колье!

– Твою мать! – схватился за голову он.

В ушах приглушенным эхом отозвался голос Виты. «Когда что-то ценное везешь, надо быть осторожным, а то напоят и обдерут как липку...». «Я и сама ценность большую везу. А веду себя неосторожно...»

– Девственность она свою везла, – нервно усмехнулся он.

– Что? – взбудораженно подался к нему Тимоха.

– Какой же я дурак, говорю...

– Что-то пропало?

– Да так, безделушка она. С бриллиантами. За девяносто тысяч долларов.

– Ну ты, брат, и попал!

Тимоха уже не злорадствовал. Он искренне сочувствовал

Даниле, но ему от этого не было легче. Может, это было и не так, но ему казалось, что вместе с колье он потерял и Лену.

Глава 6

Где-то недалеко накрапывал дождь, но на перроне Казанского вокзала было сухо – высокая массивная крыша укрывала от непогоды. Но здесь, на вокзале была своя стихия – гулкая живая масса, сотканная из переплетений встречных и поперечных людских потоков. Кто-то сошел с одного поезда, кто-то с другого, кто-то, напротив, встречал или сам спешил на посадку. Беспokoйная, пробивающаяся на массу энергия большого города так давила на психику, что у него возникло непреодолимое желание бежать в кассу за обратным билетом.

Но для этого он должен был, как минимум, снять деньги с карточки, а из-за ее несовершенства сделать это можно было в строго определенном банке. И еще неплохо было бы перевести дух где-нибудь в спокойном месте, подальше от бурлящей людской лавы.

Данила позволил увлечь себя попутному потоку, который вытолкнул его на площадь перед вокзалом, заставленную автомобилями. Но он еще не успел отойти в сторонку, когда увидел вдруг одного из вчерашних громил. С ободранной щекой, в мятом костюме.

Парень был не один, за ним следовал другой верзила, такой же грозный, но незнакомый Даниле. Они тоже заметили его и почти бегом поспешили к нему.

Ночное беснование расковывало его изнутри, высвобождая из потайных емкостей резервные силы. Это как состояние аффекта, когда человек, спасаясь от собак, может перепрыгнуть через трехметровый забор, что в обычной жизни для него просто невозможно... Но и сейчас, в дневной своей бытности Данила мог дать бой «белым воротничкам». Только нужно ли ему это?

В разведгруппы набирали профессионалов своего дела, способных одолеть в огневом и рукопашном бою хорошо подготовленного противника. Но по уставу и тактической логике при встрече с врагом разведчики обязаны были уходить в отрыв, уносить ноги. Вступать в бой можно было, только когда другого выхода просто нет... А у Данилы выход был. И он мог задать стрекача. Что он и сделал. Забросил сумку на плечо, показал преследователем спину, а затем и пятки.

– Эй, постой!.. Стой, говорю!

Он мог бежать и быстро, и долго. Поэтому его смог нагнать только басистый голос громилы.

– Да не бойся ты!

Данила не боялся, но бежал, уверенно увеличивая разрыв. И даже увесистая сумка не была для него помехой. Он готов уже был свернуть в какую-то подворотню, когда неожиданно путь ему преградил черный джип. С легким шорохом опустилось боковое водительское стекло, и в глаза ему заглянуло черное жерло боевого пистолета. А тут и загонщики по-

доспели.

Громила резко схватил Данилу за плечо, рывком развернул его на себя. Он был очень зол на него, но ударить не рискнул: слишком хорошо помнил, чем это закончилось вчера.

– Ритка где? – жадно хватая ртом воздух, спросил он.

– Какая Ритка? – Данила с опаской покосился на пистолет, на прицеле которого продолжал держать его водитель.

– Ну, ты комедию не ломай! С кем ты вчера в поезде был?

– Вита ее зовут, а не Ритка.

– Да у нее сотня имен. А реально ее зовут Ритка. Или Марго...

– Я не знаю, где она. В Нижнем еще сошла... Вместе с моим колье.

– С чем?

– Ну, колье с бриллиантами. Очень дорогое...

– Вот ты придурок! Зачем заступался за эту дрянь? Так бы мы ее забрали, и ничего бы не было...

– Я же не знал, что она воровка.

– Теперь знаешь?

– Теперь знаю.

– Она босса нашего кинула, на триста штук, в евро...

– Я не знал. Мне она сказала, что сбежала от сексуального маньяка...

– Ну, сказки она рассказывать умеет... Попал ты, парень, конкретно попал.

– Ясень пень, попал. Колье девяносто тысяч долларов сто-

ит.

– Ну, это твои проблемы. А что мы Ритку из-за тебя упустили, за это ответить придется. И за мою вывихнутую руку. И за то, что Генка башкой из-за тебя так стукнулся, что в реанимации сейчас...

– Все сказал? – насмешливо спросил Данила.

Он уже все рассчитал. Рывком сойти с линии огня, закрыться телом одного амбала, толкнув его на стрелка, вырубить другого... И так далее по спирали, пока не разделается со всеми тремя.

– Да нет, слишком много к тебе претензий, – качнул головой верзила. – И как-то ты должен будешь все это отработать.

– И как ты себе это представляешь?

– А так, поможешь нам Ритку найти.

– И это все?

– А что еще? – усмехнулся парень. – Мы же не бандиты какие-то. Ну, навешала тебе Ритка лапши на уши, ну, повелся ты. Я бы тоже на твоём месте за нее заступился. Что ж я, по-твоему, не мужик?

– Ну, я же не знал, что Вита, то есть Рита вас кинула, – развел руками Данила.

Он и сам был бы не прочь найти воровку, забрать у нее колье, чтобы затем с легкой душой отправиться к Лене.

– Ну, так а я о чем! Нам, парень, сводить с тобой счеты не резон, нам Ритку нужно найти. А Москва большая...

– Так она же в Нижнем Новгороде сошла.

– Ну и что? Села на автобус, и в Москву... А может, на поезд... Мы на ваш поезд немного не успели. Но ничего, следующий встретим. А ты пока вспомни, о чем она с тобой говорила. Ну, куда в Москву ехала.

– Куда ехала, к бабушке, в театральное училище поступать, – неопределенно пожал плечами Данила – Но ведь это вранье...

– Может, и вранье, а может, и нет... Да, кстати, меня Дима зовут. А его Рома... Ну и Витек у нас за рулем... Ты, Витек, пушку-то убери, ты же не в тире, как никак Москва кругом...

Кривоносый Витек потер вздувшийся желвак под левым ухом и нехотя сунул пистолет в кобуру под пиджаком.

– Ты не думай, стволы у нас по лицензии, все как положено, – обращаясь к Даниле, сказал Дима.

– Да мне-то что? Если бы вы стрелять надумали, мне-то какое дело, разрешенные у вас пули или нет...

– Это верно, пуля-дура, ей без разницы, из какого ствола лететь... Ты, наверное, голодный?

– Нет, в поезде перекусил...

– А у меня с утра в кишках не валялось... Поехали, сообщим что-нибудь...

Данила почему-то решил, что Дима остановит свой выбор на каком-нибудь ресторане или хотя бы кафе. Но парень велел Витьку ехать на вокзал, где и послал Рому в ларек за шаурмой. Тот принес четыре брикета с азиатским лакомством и три банки холодного пива. Витьку спиртное не полагалось:

он за рулем.

– Значит, к бабушке, говоришь, ехала? – спросил Дима, слив из лепешки себе в рот горячую смесь из масла и мясного сока.

Он старался есть аккуратно, чтобы не заляпать костюм и кожаное сиденье под собой.

– Так вранье же, – качнул головой Данила.

– Ну а вдруг?.. А у тебя колье, говоришь, вытащила?

– Из сумки.

– На девяносто тысяч? Откуда ж такое богатство?

– Да передать просили.

– Кому?

– Да одной там.

– Кто?

– Да тебе не все равно?

– Ну, все-таки бриллианты. Жаль вещицу...

– Так, может, найдем Риту, может, она отдаст...

– Да, если не загонит по дешевке. Тысяч за двадцать...

– Двадцать тысяч долларов? Это мало...

– Если ворованное, то и за двадцать тысяч рублей может уйти. Если руки будет жечь...

Данила грустил. Что, если Рита действительно продаст колье? Что, если они вообще не найдут ее?

– Ладно, ты пока здесь побудь, а я сейчас.

Дима вышел из машины, встал в сторонке, вынул из кармана мобильный телефон, нажал на кнопку, приложил к уху.

Судя по тому, как изменилось его лицо и выпрямилось тело, разговор он завел с человеком, более значимым по рангу, чем он сам.

Еще с военного училища Данила заметил, как реагирует человек на свое начальство. Сидит ротный за столом дежурного по части, звонит ему комбат – выгнет капитан спину, приосанится, но с места не встанет. А если вдруг генерал позвонит, так со стула соскочит, в струнку вытянется. Хотя, казалось бы, кто видит, в какой позе он разговаривает с начальником училища. На то они и рефлексы, чтобы помимо воли человеком управлять.

Чем дольше Дима разговаривал, тем ниже опускал голову. Видно, начальник усердно вбивал голы в его ворота, что, впрочем, не удивительно. Ведь он упустил воровку и до сих пор ее не нашел.

Но вот мобильный телефон вернулся на свое место в кармане пиджака, плечи у Димы расправились, спина выпрямилась, подбородок задрался. Он даже попытался улыбнуться, но вместо этого лицо исказила злобная гримаса.

– Ну, ты, Данила, задал нам работы, – вернувшись в машину, осуждающе сказал он. – Мы же нашли эту сучку, а ты все испортил...

Данила лишь сожалеюще развел руками: крыть ему было нечем.

– Ну да ладно, кто ищет вчерашний день, тот находит... Тот находит... – Дима попытался блеснуть красноречием, но

не смог подобрать метафору и перешел на похабщину: – Тот хрен собачий находит!

Но только это он и нашел на вокзале. До поздней ночи встречали они пассажирские поезда и электрички с казанского направления, но Рита не объявлялась.

А потом Диме позвонил его босс и передал важную, как показалось ему, информацию.

– А есть у нее бабушка в Москве! – сообщил он, благодушно хлопнув Данилу по плечу. – Вернее, была. Померла – даже не знаю, быстро или в мучениях...

– Да без разницы, – вяло махнул рукой Рома и сонно зевнул во весь рот.

Витек уже давно обнимал руль, уронив на руки голову. Второй час ночи, нормальные люди давно спят, а они до сих пор в машине. Потому что нет у них другого пристанища в Москве, кроме новенького «Ниссана» с его просторным и резко пахнущим кожей салоном.

– Если она померла, значит, ее дом сейчас на кладбище, – вслух подумал Данила. – Не пойдет же Рита к ней туда.

Ему спать не хотелось: в поезде все бока отлежал. Но таблетку снотворного он бы принял. Злила его Рита, очень злила. И хотя помутненный ночью рассудок не жаждал ее крови, все равно мысли о ней не давали покоя, болезненно скребли по нервам, раздражали сознание. И то, что сравнительно легко держать себя под контролем, служило ему слабым утешением.

– А что, если пойдет? – засмеялся Дима.

– А какое кладбище? Москва большая, все погосты не обойти...

– Ну, начнем с Мавзолея. Витька на караул поставим, а сами к дедушке Ленину, вдруг он с Риткиной бабушкой спит, а?

– Витек уже в карауле, – сонно хохотнул Рома. – Может, он там во сне Ритку поймал? Деньги с нее стряс, колье... А красивое колье, да, Данила?

– Тебе и не снилось.

– Не снилось. А я хочу, чтобы снилось. Сейчас закрою глаза...

– Я тебе закрою! – одернул его Дима.

И шлепнул спящего водителя по плечу.

– Хорош балдеть, ехать надо...

– Что? – спросонья всколыхнулся парень. – Где? Куда?

– Куда, куда! – передразнил его бригадир. – В себя сначала въежь!.. Въехал? Тогда слушай...

Он назвал адрес, дождался, когда Витек введет координаты в бортовой навигатор. Только затем сказал:

– Риткина бабушка на кладбище, а ее квартира в Черемушках, и там сейчас ее дочка живет, Риткина тетка то есть... Какая-никакая, а зацепка...

Витек выехал с вокзала на широкий проспект с масштабными, ярко высвеченными зданиями из стекла и мрамора. Несколько гладко асфальтированных полос, машин почти

нет, зато на обочине переминаются с ноги на ноги две длинноволосые дивы в коротких туниках и с килограммами бижутерии на руках и шеях.

– Какие телки! – простонал Рома.

– Маша, полтыщи баксов и наша! – хмыкнул Дима.

– Пятьсот баксов? Ну, ты загнул! Да я за пятьсот баксов десяток таких сниму...

– Это Москва, дятел!

– И не просто Москва, – глянув на монитор навигатора, кивнул Витек. – Это центр! Вот, на Садовое кольцо сворачиваем. Здесь тебе расценки – не бей копытом.

– Да на халяву можно взять, – не унимался Рома. – Давай вернемся, заберем их, и все дела...

– А потом сутерня на хвост упадет, – скривившись, глянул на него Дима. – Тебе это надо? Мне, например, нет... И не до баб нам. Вот Ритку найдем, упакуем, в камеру хранения ее сдадим, а потом по значным точкам прошвырнемся. Ночку позажигаем, и домой...

– Да с ней самой можно зажечь, – похабно ухмыльнулся Рома. – Она девка ничего себе, я бы такой ребеночка сделал...

– Не, ну ты задвинул! С нею босс зажигает! – Дима выразительно постучал пальцем по виску.

– Не зажигает, а зажигал. Она его кинула, он ей этого не простит. Кирдык ей, однозначно. Так чего добру пропадать? Еще сама спасибо скажет, что развлекли перед смертью...

– А она что, спала с вашим боссом? – догадался Данила.

– Кто, Ритка? А ты думал... Выследила, где он деньги хранит. Он в свой сейф часто лазил, а код не менял, поэтому одни кнопки с потертостями, а другие – новехонькие. А Ритка потом по этим потертостям код подобрала. А в сейфе деньги – триста штук в европейской валюте... Она вообще по этим делам спец...

– По каким по этим? По валюте?

– Ну и по валюте тоже... Все, что плохо лежит, все к рукам липнет. И что хорошо лежит, тоже. Квартирку где выставить, в доверие там войти... В общем, воровка она, – заключил Дима. – Профи по этой части...

– Что-то я не совсем понимаю, – тряхнул головой Данила. – Выходит, ваш босс был в курсе, что Рита – воровка. Зачем же он тогда жил с ней?

– Потому и жил... Короче, ты на все это не заморачивайся, тебе все это не нужно, – предостерегающим тоном сказал бригадир. – Твое дело Ритку найти да кольцо свое забрать. На том и расстанемся. Ты здесь останешься, а она обратно, в родной Свердловск...

– И что с ней там будет?

– Что-что, в бетон закатают и все дела, – гоготнул Рома.

– Ты, Данила, его не слушай, – нахмурился Дима. – Рома у нас еще не акклиматизировался. Да, Рома? На баб вскакивает, крыша дымится. Он тебе еще и не такое скажет... Ничего с Риткой не будет. Любит ее босс... Вот у тебя, Данила,

любимая девушка есть?

– Есть.

– Вот если бы она у тебя деньги украла, ты бы ее простил?.. Я понимаю, с мужиком там изменить, а деньги – это что? Деньги – это тьфу!

Данила пожал плечами. С одной стороны, Дима был прав. Измену с деньгами простить легче, чем с женщиной. Но в то же время в его голосе чувствовалась фальшь, которой он пытался прикрыть страшные откровения своего подчиненного. Возможно, человек, которого обокрала Рита, сам бы нечист на руку. Возможно, он действительно приговорил ее к смерти. Просто Даниле вовсе не обязательно это знать, поэтому Дима и плетет перед ним кружева.

Спору нет, Рита – дрянь. Но ведь она всего лишь воровка. Ее нужно судить, приговорить к сроку в исправительной колонии. Но никто не имеет права ее убивать. А Рома уже дал волю своим фантазиям – сначала изнасиловать девушку, а затем закатать в бетон. И он говорил об этом с уверенностью, как будто иначе и быть не могло. Значит, он знал, что так и будет...

Данила почувствовал, как еж в его сознании еще больше растопырил свои колючки. Он должен был восстановить справедливость – Риту отдать в руки правосудия, а Диму с его бригадой вывести в расход, чтобы он никогда больше и никому не мог причинить зло... К счастью, он осознавал, что на него накатывает ночной приступ безумия. Поэтому

постарался взять себя в руки. Незаметно для Ромы достал из кармана таблетку снотворного, проглотил ее и, закрыв глаза, попытался представить спокойное море под ярким южным солнцем. Шелест пальм, шорох пляжной гальки под ногами, умиротворяющая тишина и космический покой...

Глава 7

Проснулся Данила от легкого тычка в плечо. Открыл глаза, сфокусировался на ухмыляющейся физиономии Ромы.

– Слушай, ты, случайно, не в пожарной охране служишь? – насмешливо спросил пареньь.

– Да нет, егерь я.

– А я думал, в пожарной охране. Так только пожарники спать могут... Третий час уже, а ты все дрыхнешь...

Солнце светило ярко, высоко и, кажется, с западной половины небосклона. Похоже, Рома не врал. Да и по своему внутреннему состоянию Данила чувствовал, что спал больше, чем нужно.

А ведь не должен он был спать. Не с теми он людьми связался, которым можно доверять. И босс у них подозрительный, и сами они какие-то муторные. А еще у них личные претензии к Даниле. Пока они вроде бы позволяют ему играть на своей стороне, но вдруг возьмут да передумают. Затянут удавку на его шее, а он даже не проснется, чтобы похрипеть немного перед смертью...

– А где Дима? – спросил он, обнаружив, что бригадира нет в машине.

– Где, где? В гнезде... – обиженно, как ему показалось, протянул Рома. – Чаи гоняет.

– С кем?

– Так с этой, ну, с Риткиной теткой... Это я ему идею отгрузил. Надо, говорю, позвонить ей в дверь и сказать, что рилторское агентство адрес ее дало, типа, она комнату сдает. Ну, он пошел, позвонил, а она – ошибочка, говорит, вышла. Но если, говорит, комната нужна, она может сдать... Короче, понравился ей Дима. Она одна живет, без мужа, сын в летнем лагере, сама в отпуске, чего, думает, не замутить? А баба она чумная, тридцать лет всего, вся из себя, я бы и сам с такой закрутил...

– Чумная! – передразнил Рому Витек. – Ты ее видел, что говоришь?

– Так Дима звонил, говорил...

– Говорил. Может, он приколоться с тебя хотел. Ты же у нас особо озабоченный, вот он тебе и прогнал, чтобы ты подергался...

– Кто это особо озабоченный? – вскинулся Рома.

– Да ты! – встал на дыбы Витек.

Обычно спокойный, сейчас он походил на сильного волка, оскалившего свои клыки, чтобы напасть на противника. Взъерошенный, нахохленный, в глазах шаровые молнии, а изо рта – зловоние с нечищенных зубов.

– Я не понял, это что, наезд? – Рома тоже встал в штыки.

Но чувствовалось, хвост у него поджат. Может, Витек и уступал ему в габаритах, но матерости в нем было погуще.

– А ты бабами не доставай, понял?

Казалось. Витек, дает ему последний шанс, чтобы он успо-

коился. И Рома это осознал.

– Ну а если давно не было? – пошел на попятную он.

– Завяжи в узел и терпи, – смилостивился Витек. – Я же терплю... Вот Ритку возьмем, тогда и оторвемся. А пока не фиг травить душу...

– А оторвемся? – осторожно улыбнулся Рома.

– Ну, ты же правильно сказал, чего добру пропадать?... А Димка пусть с ее теткой развлекается, если может, это его право...

– Может, поделится?

– А это ты у него спроси... Давай-ка лучше за чебуреками сходи, – распорядился Витек. – А то жрать охота...

– Может, лучше пусть Данила сходит. Он у нас, типа, молодой...

Данила понимал, что Рома не столько хочет переложить на него свою обязанность, сколько – принизить. Но его тошнило от этой компании, от их разговоров. К тому же он не собирался становиться членом их команды, так почему бы не проверить?

– Сам ты молодой, – пристально, без тени сомнения в своих силах посмотрел он на парня.

И, не ожидая ответной реакции, вышел из машины.

– Я сейчас...

Недалеко от дома он обнаружил небольшой рынок, где торговали и шаурмой, и чебуреками. Но он выбрал павильончик, где на больших электрических сковородках жари-

ли обычные русские блины.

Ему не хотелось возвращаться в машину, поэтому он обосновался за высоким столиком возле павильона, неторопливо съел три блина с ветчиной и сыром, запил все это чаем из пластикового стаканчика. Снова сделал заказ, на этот раз для парней. Не нравились они ему, но ведь он выврался их накормить, значит, должен сдержать свое слово.

В ожидании заказа он взял бутылку холодной колы, снова встал за столик. Солнышко припекает, ветра нет, над перекрестком туман из выхлопных газов, народ вокруг суетится – все куда-то спешат, у всех дела. Худосочный парень с ирокезом и в черной майке с черепами – и этот куда-то торопится, видно, ждут его такие же панки, чтобы дернуть где-нибудь в подворотне и обсудить философский вопрос, есть ли жизнь в консервной банке. Два таджика-гастарбайтера в спецовках и с метлами – ну, это понятно. Симпатичная девчонка с волосами как будто из соломы, в рваных джинсах на бедрах, с рюкзачком; стремительная, лишенная женственности походка... Может, и Рита сейчас вот так же спешит к своей тетушке, а там – волчий загон.

Но ведь она сама во всем виновата. Не надо было воровать, жить преступной жизнью... Но в то же время никто не давал права Диме и его боссу распоряжаться ее жизнью, а Роме и Витьку – надругаться над ней, прежде чем убить...

Впрочем, пусть, что хотят, то и делают. Он заберет свое кольцо и сделает всем ручкой. Не было у Данилы желания вя-

зываются в историю из-за какой-то воровки. В конце концов, это закон естественного отбора – слабых и подлых убивают свои же...

– Чего так долго? – спросил Рома, когда Данила вернулся в машину.

Он молча протянул пластиковую посуду с блинами, пакет с пивом и кока-колой.

– Что там у нас? Неплохо... А Дима сейчас борщечок, небось, хлебает. Или кофе в постели...

– А это кто как устроился... – сняв с тарелки блин, сказал Витек.

– Рита не появлялась? – спросил Данила.

– Если бы появилась, нас бы здесь не было, – ухмыльнулся Рома. – Мы бы с ней сейчас по душам беседовали...

Джип стоял недалеко от подъезда, в который могла зайти девушка, если бы решила заглянуть к тетке. Из него удобно было наблюдать за входной дверью. Но ведь Рита тоже не дура.

– Надо бы подальше отъехать, – сказал Данила. – А то у вас номера екатеринбургские, она все поймет, если увидит...

Рома глянул на него удивленно и озаренно. Сказал, обращаясь к Витьку.

– А ведь он прав, как бы не засветиться. Отъехать надо, а Дима, если что, маякнет...

Он созвонился с бригадиром, изложил ему суть идеи, которую выдал за свою. И велел Роме отъехать в соседний

двор. Данила лишь усмехнулся: ему было все равно, что его обделили. Ведь он не собирался ни перед кем выслуживаться. Забрать свое кольцо, только его и видели...

Весь остаток дня и вечер провел он в машине. И ночь он встретил в ней же. Приготовился скучать до утра. Но ровно в третьем часу позвонил Дима.

– Попалась мышь! – просиял Рома. – Поехали!

Они подъехали к дому, который стал для Риты западней. Рома вышел из машины, за ним потянулись и остальные.

– Данила, ты здесь пока побудь! – распорядился он.

– Это еще почему? – взбудораженно спросил он.

Ночь уже делала свое дело. Данила еще пытался, но уже не мог себя контролировать.

– Дима так сказал.

– Но у меня там кольцо...

– Нет никакого кольца, – мотнул головой Рома. – Дима сказал, что Ритка его на сторону толкнула...

– Когда он тебе это успел сказать? – хищно сощурился Данила.

– Сказал... Все, здесь остаешься.

– Возле машины побудь, – добавил Витек и нажал на кнопку пульта.

Двери заблокировались, джип встал на сигнализацию. Это значило, что Даниле было отказано в праве находиться в салоне.

– Только вы не долго...

Он только делал вид, что готов остаться во дворе. Но едва Витек и Рома скрылись в дверях, как он устремился за ними. Они поднялись на шестой этаж на лифте, он же проделал этот путь бегом вверх по лестнице.

То, что он делал сейчас, ночью, он бы не позволил себе днем. Да, Рита – воровка и дрянь, но ведь ее хотя изнасиловать и убить. А это несправедливо... Он должен был остановить злодеев. Любой ценой...

Он нагнал их на лестничной площадке, тихо подкрался к ним. И когда они вошли в дверь квартиры, ворвался туда у них на плечах.

– Данила, я не понял! – рыкнул на него Рома. – Ты что, не въезжающий? Тебе же сказали остаться!

– Холодно там, а здесь тепло.

Он оттолкнул стоявшего в дверях комнаты Диму, зашел в гостиную, где на полу, со связанными руками, ногами и кляпом во рту лежала на животе женщина в шелковом халате. Здесь же, привязанная к стулу, сидела и Рита. Ее рот был заклеен скотчем.

– Ну и зачем ты это сделал? – зловеще суровым тоном спросил Дима. – В хату вломился, людей толкаешь... Нехорошо, парень, нехорошо...

– А женщину зачем связал? – спросил Данила, чувствуя, что сам, по своей воле попал в западню. – Она здесь при чем?

– Чтобы не мешала, брат, – смягчился Дима.

Но его податливость была обманчивой. Данила понимал,

что бригадир не хочет вступать с ним в открытое противоборство. Он собирался задобрить его, чтобы затем ударить исподтишка. И у волков есть такая тактика, и у людей.

– А этой рот зачем заклеил? – глянув на Риту, спросил он.

– Чтобы не кричала...

Девушка смотрела на него глазами прижатого к обрыву оленя. Она понимала, что выхода у нее нет. Но умирать так не хотелось...

– Это же Москва, брат, – увещающим тоном сказал Дима. – Здесь ночью шуметь нельзя. Если соседи пожалуются, менты приедут...

Движением руки он успокаивал и сдерживал рвущегося в бой Рому. Да и Витек, казалось, не прочь был спросить с Данилы за его наглость. Ведь не разрешали ему идти сюда, а он пришел.

– А мы тихонько, ладно...

Данила встал возле Риты так, чтобы не подставить под удар спину. Сорвал с ее рта полоску скотча.

– Где колье?

– Продала...

Девушка набрала в легкие воздух, чтобы закричать, но Данила ловко вернул скотч на место. Ей оставалось только глухо мычать.

– Ну вот, видишь, брат, я же говорил, что эта сучка загонит твою цацку, – осклабился Дима.

– А деньги?

– Поверь, она загнала ее за копейки. А где они эти копейки, мы сейчас выясним. Ты иди на кухню, а мы с ней потолкуем...

Но Данила шагнул в обратную от двери сторону. Встал в угол между окном и гарнитурной стенкой. Пусть Дима не заговаривает ему зубы, не повернется он к нему спиной. И Риту не оставит. Прежде всего, она человек, а потом уже воровка. Да и ее родственнице также угрожает опасность. Ведь ее тоже могли убить – и за компанию, и как свидетеля...

Воспаленное воображение на миг выдало сумбурную картинку. Рита с простреленной головой, у ее ног – также убитая тетушка, а в кресле сидит сам Данила. Голова склонена на плечо, в виске пулевое отверстие, в опущенной руке, скобой зацепившись за палец, висит пистолет. Вот негодяй, убил женщин и, раскаявшись, наложил на себя руки... Это было настолько противоестественно, что не могло быть правдой. Но Данила осознавал, в каком состоянии он находился. Поэтому воспринял видение как пророчество.

– Ну, ты что, не понимаешь?

Похоже, Дима понял, что словом Данилу с места не сдвинуть. Не сводя с него глаз, сунул руку под пиджак, извлек оттуда пистолет с накрученным на ствол глушителем. Четким и быстрым движением направил его на Данилу.

– Почему ты такой баран, а?

– А почему ты творишь беспредел? – спросил он.

И кивком головы показал на связанных женщин.

– Ладно, Рита, а при чем здесь ее тетка?

– А при том, что много знает... И ты слишком много знаешь. И лезешь не в свои дела...

– Сам же меня попросил?..

– Кто тебя просил? О чем?.. Ты должен за Генку ответить.

И за меня...

Данила вспомнил, что Диме он выломал правую руку. Именно в этой руке он держал сейчас пистолет. Видно, что травма не серьезная, но ведь она может дать знать о себе сейчас, в тот момент, когда счет времени пойдет на доли секунды.

– И за то, что с поезда вас, как тех щенков, – усмехнулся он.

– А вот это ты зря... Две минуты у тебя, чтобы помолиться. Повернулся ко мне спиной, ну!

В сумерках подсознания Данила понимал, что не будет никаких двух минут. И убивать его никто не станет. Дима воспользуется моментом, чтобы ударить его рукоятью пистолета – и не по затылку, а по виску, в котором должна потом будет появиться рваная прореха выходного отверстия. Обычно стреляются правой рукой, значит, и бить бригадир будет с той же стороны.

Данила выполнил требование бандита. И ничуть не удивился, когда периферийное зрение уловило угаданное движение. Во-первых, только так и должны были развиваться события. А во-вторых, ему просто некогда было осознавать

свои эмоции.

Дима уже знал, с каким противником имеет дело. Перекинув пистолет из правой, больной руки в левую, здоровую, он ударил с короткого размаха – резко и быстро. В дневном своем состоянии Данила еще смог бы это заметить, но не успел бы отразить. Но сейчас была ночь...

Блок, захват, подсечка... Дима с грохотом упал и на больную руку. Он мог бы взвыть от боли, но Данила уже держал в руке пистолет. Патрон в патроннике, предохранитель снят. А на спусковой крючок нажать так просто...

Глушитель надежно задержал звук и пламя, только клацанье затвора известило всех, что выстрел состоялся.

– Эй, ты чего?

Рома в панике шагнул назад, сунул руку под пиджак, но Данила уже направил на него ствол...

Витек даже не дернулся. В его кричащем взгляде Данила прочел страх обреченной на заклятие овцы. А ведь совсем недавно пытался изображать из себя матерого волка... Витек умер мгновенно. Как и подобает овце...

Три выстрела, три трупа. Но что дальше?.. Данила еще не в полной мере осознавал, каких дров наломал. Но инстинкт самосохранения исправно вращал шарниры в его голове. А ночное сознание выбрало верный для данного случая вариант. Он мог бы застрелить женщин и убраться из квартиры, но ведь не для того же он их спасал, чтобы убивать. Поэтому он принял решение избавиться от трупов.

Силе в его руках мог позавидовать сам Геракл. Поэтому он вышел на балкон, выходящий во двор строящегося дома, глянул вниз. Вскопанная клумба, заставленный автомобилями пожарный подъезд, и ни единой живой души вокруг... Первым на клумбу полетел труп бригадира, за ним в последний свой полет отправился покойный Рома. Прежде чем выбросить почившего Витька, Данила избавил его от ключей и документов на машину.

Спустился вниз, подогнал джип к месту группового приземления, осмотрелся – вроде никого. Забросил в багажник один труп, другой, третий. Снова осмотрелся. И только затем сел за руль.

Москву он не знал, но слышал, что на всех дорогах из города на выезде стоят контрольные посты милиции. В глухую ночь движение слабое, и гаишники будут останавливать каждую машину. Поэтому он просто отогнал джип подальше от дома, бросил его в каком-то лесопарке; повинувшись интуиции, тщательно протер все поверхности, которых мог касаться пальцами.

Было искушение забрать пистолет у Витька или Ромы, но то же чутье подсказало ему, что делать этого не следует. А от орудия убийства он избавился еще раньше, выбросив его в мусорный бак.

Он должен был вернуться к Рите, чтобы убрать кровь и пули. И еще не мешало бы постирать одежду – джинсы, куртку, футболку, вымыть кроссовки.

Уже светало, когда он вернулся к дому. Обошел его по кругу – мало ли что, вдруг возле клумбы выставлен милицейский пост. Но кроме мопса и его хозяина, там никого не было. Собака подозрительно обнюхивала место, где совсем недавно один на другом лежали трупы, но сонный мужчина с проседью в висках лишь лениво посматривал на него. Учув Данилу, мопс побежал к нему, но хозяин легко удержал его на поводке. Собака гавкнула пару раз, вернулась к смятым цветам на клумбе и, подняв ногу, помочилась на собственные подозрения.

Данила поднялся на шестой этаж, приложил ухо к закрытой двери. Тишина. Ключом открыл дверь, зашел в квартиру, разулся, заглянул в комнату.

Хозяйка квартиры по-прежнему лежала на полу, но на другом боку. Рита дремала на стуле, в том же положении, которым оставил ее Данила. Учув его появление, она распахнула глаза и задергалась, требуя свободы. Шевельнулась на полу и женщина.

Данила не торопился освобождать их. На кухне он нашел большие ножницы, бесцеремонно обрезал половину ковра, которую залил своей кровью бригадир Дима. Выковырял из паркетины застрявшую в ней пулю.

Рому он убил выстрелом в сердце, и пуля не смогла прошить насквозь его могучее тело. Та же ситуация была и с Витьком, поэтому после них особо прибираться не пришлось.

Управившись, Данила снова покинул квартиру, пока еще не совсем расцвело, сходил к мусорным бакам соседнего двора, выбросил туда обрезок испорченного ковра, тряпки, которыми смывал кровь. Смятую пулю он выбросил в траву за гаражами.

Вернувшись в дом, он деловито разделся, сунул в стиральную машину джинсовую куртку, брюки, футболку, в ванной с порошком вымыл кроссовки. Немного посидел в кресле, чтобы перевести дух. И только затем развязал хозяйку квартиры.

Глава 8

Миловидная женщина лет тридцати, казалось, вот-вот вззоет пожарной сиреной. Короткая стрижка, всклокоченные волосы – не понять, то ли последствие ужасной ночи, то ли так было задумано женским мастером. Большие глаза с такими же большими отечными мешками под ними. Помада на губах размазана – или качество у нее такое, или Дима так старательно целовал эту одинокую миссис, выражая свою кобелиную радость.

– Вы хоть представляете, что вы наделали?

– Испортил вам ковер? – спокойно, на грани полной инфантильности спросил Данила.

Утро уже наступило, и все, что произошло с ним недавно, воспринималось как ночной кошмар, хотя и детализированный до мельчайших подробностей.

– Да при чем здесь ковер? Вы убили Диму! Вы убили его друзей!

– А ничего, что этот Дима связал вас и вашу племянницу?

Рита по-прежнему сидела на стуле с заклеенным ртом. Ее Данила освобождать не спешил. И тетушка не торопилась развязать «ленточку», которой был связан это ночной «сюрприз».

– Может... Может, он... – женщина пыталась подобрать объяснение этой его выходке, но лишь беспомощно хватала

ртом воздух. – А вы хоть знаете, сколько стоит этот ковер?

– Я компенсирую!

– А почему вы передо мной в одних трусах?

– Потому что я мог убить вас как свидетеля. Но не стал делать этого...

Данила очень жалел о том, что совершил. Но поскольку время вспять не повернешь, нужно было изворачиваться.

– Убить?! – уставилась на него женщина.

– Да, как свидетеля, – повторил он. – Чтобы вы никому ничего не рассказали... Кстати, меня Данила зовут...

– Ирина Геннадьевна...

– Так вот, Ирина, дело серьезное. Дима использовал вас, чтобы дождаться Риту. Он собирался убить ее. Меня. И вас, кстати, тоже...

– З-за что?

– Вас – как свидетеля. Меня – как козла отпущения...

– А Риту?

– Как воровку. Которая украла у его криминального босса триста тысяч евро.

Рита задергалась, замычала, но Данила даже не глянул в ее сторону.

– Ваша племянница воровка. И ваше счастье, что она обокрала не только мафию, но и меня. Она украла у меня кольцо, поэтому я тоже оказался здесь. Поэтому гангстеры наказаны, а вы живы...

– А Рита?

– Ваша Рита заслуживает суровой порки. У вас есть розги? Или просто ремень?

– Есть, – завороченно кивнула Ирина.

Данила подошел к Рите, сел перед ней на корточки, заглянул ей в глаза.

– Тебя как бить? По заднице или по спине?.. На спине шрамы останутся, а на заднице – вряд ли. Но задницу заголять придется. Тебе не будет стыдно?

Рита гневно замычала и закивала головой, требуя свободы.

– А воровать не стыдно?

Она заерзала на стуле, пытаясь развязаться, закачалась на нем и, в конце концов, упала. Только тогда Данила содрал с ее рта полоску скотча.

– А поднять? – задыхаясь от возмущения, спросила Рита.

– А колье вернуть?

– Говорю же, продала...

– Кому?

– Кому-кому... Я с Нижнего в Москву ехала, ну, машину остановила, мужик за рулем, при бабках. Ну, я и предложила купить...

– И что?

– Ты тупой или придуряешься? Если я продала, значит, он купил... Сто штук отвалил.

– Долларов?

– Какие доллары?

– Евро?!

– Ну, ты вообще... Рубли! Сто тысяч рублей. А что, не деньги?

Данила устало опустился на диван. Не было у него желания объяснять, в какую сумму Лена оценивала свое кольцо. И тем более доказывать, что для него самого эта вещь бесценна.

– Ты меня развяжешь или нет? – захныкала Рита. – Тетя Ира, ну, может, хоть вы поможете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.